

С НУЛЕВОГО РАНГА

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ

АРОН РОДОВИЧ

Том 6

Арон Родович

**Регрессор. Заново с
нулевого ранга! Том 6**

«Автор»

«Автор»

2026

Родович А.

Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 6 / А. Родович —
«Автор», «Автор», 2026

Меня предали и бросили умирать в S-разломе. И очень зря! Ведь я вернулся на двенадцать лет назад! Теперь мне снова двадцать два. Ранг Е, денег кот наплакал, магии почти ноль. Зато за плечами двенадцать лет рейдов, боевой опыт ветерана и знание секретов, за которые сильнейшие гильдии готовы убивать. Пока новички боятся первого разлома, я валю босса заточенной трубой. Пока гильдейские шишки делят добычу, я забираю своё. А самоуверенных инструкторов, решивших поставить меня на место, ждёт большой сюрприз! Правда, прошлое уже начало меняться, а мои знания будущего перестают быть надёжными. Ну и отлично! Кто сказал, что я собирался играть по старым правилам?

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Реалов, Арон Родович

Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 6

Глава 1

До утра нужно было проверить маршрут каравана. Пока я ещё мог диктовать, зацепился левой за край простыни и окликнул Катю. При попытке повернуть голову потянуло бок; пришлось остановиться, переждать и выдохнуть через нос. Боль тянулась за каждым движением, вязкая, как старая смола в швах. Хотелось лечь обратно лицом к потолку и дожидаться следующего укола. Но утром по непроверенным числам Штерного пойдут наши люди, а я всё ещё помнил путь до старого водостока.

В висках гудело. Правая рука лежала бесполезным грузом в жестком полимерном коконе фиксатора. Левой держался за простыню; стоило разжать пальцы, и начинало казаться, что койка уходит вниз вместе со мной. Значит, диктовать отсюда. До сна успеть связаться с Приором и передать, что именно надо проверить.

— Дима, ты должен спать, — врач у изголовья проверил капельницу и посмотрел на мою ладонь, вцепившуюся в простыню. — После третьего рычага связки разорваны. Сейчас сначала стабилизируем бок, потом займёмся рукой. Если ты сейчас начнешь диктовать списки, я увеличу дозу морфина. Ты проспишь сутки. Зато перестанешь дёргать бок и срывать повязку.

Разжал пальцы, показывая ему пустую ладонь. Повернуться через плечо хотелось меньше всего — даже короткий вдох цеплял рану. Но сутки сна сейчас оставят бригаду с чужим прогнозом и без моего запасного пути.

Повернул голову влево, осторожно, чтобы вслед за шеей не потянуть плечо. Катя сидела на табурете у окна, держа в руках планшет и сухой чехол с визиткой Гоши Штерного. Она увеличила очередное фото, проверила метку и сохранила оригинал. Хотелось поторопить её, но удержался: именно эти минуты потом позволят показать заказчику, где и когда мы проверяли маршрут. Одной моей уверенности для чужого каравана мало.

— Фото не обрезай, — напомнил я.

— Уже. И время отдельно, — Катя повернула экран, показывая сохранённые метки, и вернулась к работе.

— Мне нужно двадцать минут, — пришлось сглотнуть и повторить громче: с койки тоже нужно было добиться, чтобы меня услышали. — Пока препарат действует только на тело, а не на память. Двенадцать лет опыта не выветрятся от дозы снотворного, доктор. Но если мы упустим окно проверки прогноза, следующий караван пойдёт вслепую. И тогда мне понадобится не операция на руке, а гроб.

Врач вздохнул, посмотрел на часы, потом на Катю. Катя подняла глаза и кивнула.

— Я буду следить за минутами, — она положила планшет на колени, оставив экран включённым.

— Десять минут, — отрезал врач. — Потом инъекция. Никаких движений правой рукой. Никакого крика. Если давление скакнет выше нормы, я отключаю связь.

Он вышел, щелкнув замком двери. Катя пододвинула стул ближе к кровати.

— Приор на линии, — сказала она, включая громкую связь на планшете. Голос Лёвы был приглушен шумом ветрового коридора, где он вел журнал «Прохода Пети».

— Дима? — Приор прикрыл микрофон от ветра. — Караван выходит утром. Бригада ждёт маршрут. Сейчас одна строка со станцией Стаса совпала. Завтрашние числа ещё не проверены; заказчик уже спрашивает, можно ли на них рассчитывать.

Прикрыл глаза, восстанавливая старую схему по поворотам. От входа до водостока, от водостока до выхода. В первой линии на этом участке видимость падала быстро; люди обычно замечали опасность, когда уже приходилось искать стену руками.

— Слушай внимательно, Лёва, — проговорил я, удерживая левую ладонь на простыне. За закрытыми веками снова проступил поворот: ещё шаг — и стена теряется в сером. Там я бы ухватил переднего за ремень и отвёл назад. Сжал простыню и чуть не потянул её на себя, как тот ремень. Бок тут же напомнил, где я сейчас. В динамике трещало; пришлось говорить медленнее, чтобы Лёва успевал разобрать и записать каждое слово. — Первую строку поймали. А завтра Гошины числа могут завести нас в туман. Или вывести из него. По одному совпадению не разберёшь, Лёва; завтрашние числа пересчитай. Записывай интервалы, которые помню по первой линии. Начни за пятнадцать минут до выхода каравана и дальше снимай замер каждые пять. Сверь с нынешним журналом «Прохода Пети». Женя пусть меряет отдельно от Стаса; две копии одного датчика нас не спасут. Если на основном пути цифры разойдутся с картой, уйдём запасным коридором.

— Запасной коридор через старый водосток? — уточнил Приор. — Там узко. Техника не пройдет.

— Техника не нужна. Нужны люди и носилки. Катя, передай Жене координаты точки входа в водосток. Пусть сделает замер скорости потока воздуха там прямо сейчас. Направление воздуха запиши вместе с фоном. Потом проверь выход. По одной струе ветра людей туда не отправляй.

Катя уже печатала сообщение. Сверив координаты с оригиналом карты, она ещё раз прочитала сообщение перед отправкой.

— Вход и выход двумя строками, чтобы не перепутал, — пояснила она. — Проверку утром тоже записала.

— Женя отвечает, — сказала Катя через минуту. — Воздух идёт навстречу. Он проверил выход и промерил фон отдельно. Сейчас канал проходим, утром проверит ещё раз. Но там сыро. Брезенты нужны.

— Ставит бригада брезенты? — повернул голову к динамику: сквозь треск нужно было расслышать ответ.

— Ставят, — ответил Приор. — Но цена аренды техники вырастет. Заказчик может отказаться платить за простой.

— Пусть отказывается, — выговорил я, упершись затылком в подушку. Врач запретил кричать; заказчику досталось бы и без крика. — Или пусть платит за безопасность груза. Мы не торгуем жизнями людей ради экономии пары тысяч. В договоре так и запиши: груз дошёл, терминал подтвердил доставку — тогда платят через терминальный счёт. Пока последняя носилка не вышла, денег не берём. После оплаты работы бригады согласуем с тобой резерв на операцию. Это доход новой смены, Лёва. Старые ночные расчёты не трогаем, С25 ждёт у Смолы. Никаких авансов. Только факт выполнения.

Приор замолчал, записывая. В динамике шуршало; между короткими помехами слышалось моё собственное дыхание. Пришлось ослабить хватку на простыне — пальцы уже свело.

— Дима, ты уверен? — голос Кати стал мягче. — Если заказчик сорвет контракт...

— Он не сорвет, — открыл глаза и посмотрел на неё. — Ему груз нужен утром, Катя. Пусть покажет другого проводника, который возьмётся за этот канал. — Она взглянула на экран, и я дождался, пока снова посмотрит на меня. — Основной путь ещё проверим, запасной — тоже. Дадим ему два проверенных варианта. Гошину визитку можно сунуть в карман, но когда стена исчезнет в тумане, дорогу по ней не найдёшь. Женя сейчас идёт ногами и меряет воздух. Вот за эту работу заказчик и заплатит.

Через десять минут врач вернулся. После инъекции по телу разошлось тепло. Бок ещё тянуло, но уже можно было отпустить простыню и вдохнуть глубже, не стискивая зубов.

— Теперь спи, — приказал он. — Мы ждем результатов.

Я успел услышать, как Приор повторил условия заказчику, и провалился в сон. Утром меня разбудили для осмотра. Бок уже не заливал повязку; до операции врач разрешил посмотреть связь, если я не начну вставать. Планшет Кати вибрировал. Она включила видео на низкую громкость.

На экране появилась картинка из рабочего коридора. Помехи, серый свет, лица уставших людей. У пульта управления узнал Приора. Треск съедая окончания слов; прислушался, ловя прежде всего название маршрута.

— Первая группа вышла на точку. Женя снял третий пятиминутный замер. На основной трассе влажность выше строки Штерного, Стас на своей станции подтверждает. В водостоке фон ровный, выход открыт. Бригада переносит груз сюда. Мы идём по твоему запасному коридору.

Люди на экране двигались вдоль стены, прижимая носилки к узкому проходу. Задний переносчик остановился, пропуская переднего за поворот; тот вытянул ремень, и груз снова пошёл. Следил за расстоянием между ними, пока глаза не начало резать от помех.

— Не приближай, — попросил Катю. — На общем плане выход виден.

Она убрала пальцы с экрана.

— Вижу. Держу так.

— Туман сгущается на основной трассе, — доложил Приор. — Видимость ноль. Начальник каравана остановил переднюю группу у поворота. Я вижу в камеру: они возвращают первую носилку, переставляют ремни. Водосток узкий — по одному, с интервалом. А здесь... здесь чисто.

Связь оборвалась. Черный экран. Я подался к планшету — и замер: в бок прострелило так, что следующий вдох пришлось добирать по чуть-чуть. Где они? Только что выход был в кадре.

— Что случилось? — выговорил я, снова укладывая голову на подушку.

Катя тут же набрала номер. Ответили не сразу. Когда голос Приора прорвался сквозь помехи, он был спокойным, но быстрым.

— Обрыв кабеля в переходе. Резервный канал активирован. Последняя носилка была ещё в канале. Придержали проход, пока Женя поднял резервный канал. Теперь вижу выход: последний переносчик уже здесь. Заказчик принимает груз по местам. Ни одной потери, ни одной царапины. Терминал получил подтверждение завершения смены.

Выдохнул до конца. Бок тут же потянуло, зато можно было снова смотреть на переносчиков, а не в чёрный экран. Последний вышел. Вот он, живой, рядом с остальными. Катя придержала планшет у края койки, возвращая в кадр выход из канала.

— Оплата? — спросил я.

— Подтверждена, — ответил Приор. — Заказчик перевел сумму на общий счет. Из них, как договаривались, часть зарезервирована на твою операцию. Работа бригады оплачена. Резерв на операцию отмечен отдельно, твое согласие я сохранил. Обещанные доли от С25 в этой строке не стоят — тот расчёт будет после продажи и реквизитов семьи.

Катя улыбнулась и положила руку на мою здоровую левую кисть. Под её пальцами ещё чувствовался мой пульс; пусть пощупает, как он наконец замедляется.

— Ты сделал это, Дима. Даже леж на койке.

— Мы сделали, — поправил я. — Ты сохранила доказательства. Женя проверил воздух. Приор вел журнал. Бригада прошла путь. Я только... вспомнил старые правила.

Экран планшета погас. Врач зашел в палату, посмотрел на мониторы, затем на нас.

— Кровотечение остановлено, — констатировал он. — Пациент стабилен. Теперь можно заняться рукой.

Он подошел к моей правой стороне. Врач поддержал предплечье на подушке, а Катя растегнула ремни фиксатора. Под ним кожа побледнела; по краям остались синяки и следы давления. Врач аккуратно осмотрел предплечье, нащупывая поврежденные сухожилия.

— Будет неприятно, — предупредил он, прежде чем снова надавить на предплечье. — Но необходимо, чтобы вернуть подвижность. Иначе ты снова порвёшь то, что мы сейчас должны сшить.

Кивнул, упираясь затылком в подушку, пока врач осматривал предплечье. Закончив, он снова уложил предплечье в каркас и затянул ремни. Снова держать оружие обеими руками — вот чего хотелось. Но сначала связки должны срастись. Караван дошёл, люди в «Проходе Пети» получили деньги; теперь можно было на несколько часов передать собственную руку тем, кто умеет её шить.

Катя забрала планшет, пряча его обратно в чехол вместе с визиткой.

— Следующий замер тоже сохраним, — сказала она тихо. — А сегодня... сегодня мы заработали право отдыхать.

Врач передвинул каталку к двери. Теперь была очередь хирурга. Закрыв глаза, прислушиваясь к стуку колёс. Деньги на операцию уже были, бригада вернулась с грузом, исходные замеры остались у Кати. Хоть здесь успели. За правую руку предстояло побороться отдельно — лежа смирно, как бы меня от этого ни корёжило.

В рейдах боль обычно удавалось отодвинуть до привала. Здесь привал длился часами, а легче становилось только после укола. Боль сидела внутри правого предплечья, где сухожилие не выдержало третьего упора в Восьмом. Простреленное плечо тоже ныло, а ножевой порез на боку отзывался при каждом вдохе.

Двенадцать лет опыта научили меня различать типы страдания: усталость мышц после марш-броска, тупой удар от пули в бронежилет, холодное покалывание от радиационного ожога. Теперь всё отзывалось сразу: плечо, бок, пересохшее горло.

Ранг В был при мне, а повернуться на койке без чужой помощи толком не получалось. Город остался целым. Петю и Григория это не вернуло; от одного воспоминания о них хотелось подняться и заняться обещанным.

Уткнувшись взглядом в трещины штукатурки, мысленно прокладывал маршрут рейда. На потолке все разломы оставались прежними; людей для настоящего маршрута ещё предстояло собрать. Правая рука висела в жестком полимерном фиксаторе, превращающем кисть в бесполезную гирю. Зато левой вцепился в край одеяла до белых костяшек. С этим хватом сейчас разве что одеяло на рейд брать; пику даже устроить поудобнее сам не мог. Срок у Гриши уже истёк. Кого собирать на D? Перебирал людей в уме, цеплялся за знакомые лица, а одеяло всё туже сжимал в кулаке. Опомнился, когда заболели пальцы. Медленно распрямил их на ткани. Вот и вся моя нынешняя тренировка хвата — левой. Правой даже пробовать не стану: хватило третьего рычага.

В дверь палаты постучали. Три коротких удара, один за другим; пришлось прервать свой мысленный список.

— Входите, — сказал я хрипло. Голос был чужим, сорванным от ингаляций и молчания.

Узнал вошедшего по халату, но всё-таки поднял глаза к лицу: хотелось понять, с чем он пришёл на этот раз. Он нахмурился, разглядывая повязку, и морщины у переносицы сошлись в глубокую складку. Его звали Артем Сергеевич, но в госпитале он был просто «Мастер Швов». За ним сестра внесла поднос со стерильными пакетами. Катя осталась у двери, пропуская сестру с подносом. Заметив смятый край одеяла под моей ладонью, нахмурилась.

— Дима, отпусти ткань. Они сначала посмотрят бок.

Пришлось разглядить смятый край левой ладонью. Катя дождалась, пока я уберу ладонь от повязки, и подошла ближе.

— Твои анализы пришли, Дима, — начал Артем Сергеевич, не садясь. Он стоял над моей кроватью, скрестив руки на груди. — Связки восстанавливаются медленно. Боковой порез требует повторной обработки. Если ты сейчас начнешь тренировать хват правой рукой или пытаться поднять вес, шов разойдётся, и придётся начинать всё сначала. Я хочу вернуть тебе руку, а не испытывать, сколько раз ты выдержишь одну операцию.

— Я не могу быть инвалидом, — перевёл взгляд с подноса на врача. От одной мысли, что этот фиксатор останется со мной навсегда, хотелось стянуть ремни. Прижал левую ладонь к одеялу. — У меня есть обязательства. Перед бригадой. Перед семьей Григория. Перед Петей.

Сестра поставила поднос на тумбочку. Щелчок металла о пластик прозвучал громко в тишине палаты.

— Караван ты провёл лёжа, — Катя убрала поднос подальше от моего локтя. — Но на рейде планшет тебя не понесёт. Потеряешь руку — кто будет держать пику? Дай им её спасти, Дима.

Артем Сергеевич кивнул.

— Сухожилия надо закрепить, а ране на боку дать дренаж, — врач показал на пакеты у сестры. — Для этого ты уснёшь. Общий наркоз, ненадолго. Пока ты спишь, мы сделаем то, что нельзя сделать при твоих попытках контролировать боль мышцами. После этого ты проснешься, и твоя правая рука будет зафиксирована еще жестче. Никаких движений. Никакого упора. Только левая. И ноги.

Кожа вокруг фиксатора уже начала желтеть от старого кровоподтёка. Артем Сергеевич ждал ответа, положив пальцы на ремень. Двенадцать лет выбирался из передрыг и каждый раз думал: ещё чуть-чуть, потерплю, дожду. Сейчас хирург держал ремень, а под ним желтела моя кожа. Дожду — и пику потом буду держать только левой. Навсегда. Смотрел на его пальцы, пока наконец не смог выговорить ответ.

— Хорошо, — убрал левую ладонь с одеяла, освобождая врачу место. — Делайте.

Катя наклонилась ко мне. От неё пахло антисептиком, а от чехла на коленях — бумагой и пылью архивов. Знакомый запах. Потянулся к ней левой ладонью и остановился, чтобы она сама выбрала, как взяться за меня, не задев бок.

— Я буду рядом, — прошептала она. — Проснёшься — посмотри налево. Я сяду там, у окна. Только не вздумай сразу подниматься, чтобы проверить, на месте ли я.

Она взяла мою левую руку. Её пальцы были холодными, но крепкими. Она сжала мою ладонь и подождала, пока я отвечу. Закрыв глаза. В операционной анестезиолог проверил клапан маски. Катя осталась за дверью; её ладонь я ещё чувствовал в своей, когда он произнёс:

— Считай до десяти. Или не считай. Просто дыши.

Первый вдох был сладким, химическим. Второй — пустым. Потолок над маской потемнел; ещё слышал, как гулко стучит сердце, но поднять отяжелевшую голову уже не мог.

Из сна выбирался медленно. Плечо и бок ныли; попытался сглотнуть, но пересохший язык лип к нёбу. Сквозь веки пробивался свет. Пришлось открыть глаза и сразу прищуриться.

Потолок. Трещины. Те же самые. Можно было искать Катю — она обещала дожждаться.

Повернул голову влево. Катя сидела на стуле у окна, читая какую-то тетрадь. Значит, дождалась. Она заметила, что я смотрю, выпрямилась на стуле и улыбнулась; я попробовал ответить, но пересохшие губы стянуло. Получилось, наверное, жалко. Катя всё равно придвинулась ближе.

— Ты жив, — Катя закрыла тетрадь, оставив палец между страницами. — И рука цела. Технически.

— Сколько времени? — выдавил я. Голос был скрипучим.

— Три часа прошло, — она взглянула на часы и положила тетрадь на подоконник. — Тебя уже можно будить. Врач осмотрел швы. Все чисто. Но тебе нельзя вставать. Ещё сутки. Минимум.

Перевёл взгляд на пальцы правой руки. Фиксатор держал их мертвой хваткой. Ни движения. Ни ощущения. Только давление полимера на кожу. Левая рука послушалась. Сжал кулак, разжал. Снова сжал, проверяя только левую. Мышцы отозвались легким тянущим ощущением, но боли не было.

От белого потолка рябило в глазах. Лежал на спине; под лопаткой собралась складка простыни, но повернуться и расправить её пока не разрешили. Правая рука покоилась в жестком фиксаторе, прикованная к телу ремнями, которые хирург велел оставить затянутыми. Этой рукой держал пику и принимал удар; теперь смотрел на каркас и прикидывал, как долго ещё придётся обходиться одной левой.

На вдохе тянуло обработанный порез на левом боку. Вспомнил, как запоздал с прыжком от ножа, и снова заставил себя лежать спокойно. Второй раз платить за ту же ошибку собственным швом было бы совсем по-дурацки.

Двенадцать лет опыта не помогали быстрее срастить связки. Хирург уже сделал своё, теперь приходилось лежать и дать шву держаться. Но в мастерской меня ждала другая просрочка. Нужен был Гриша.

Катя сидела на стуле у окна с планшетом в руках. Она проверила звук, подложила мне под левый локоть сложенное одеяло и повернула экран так, чтобы я не тянулся к нему через больной бок. — Дима, он на связи, — сказала она, не поднимая глаз. — Если ты снова начнешь спорить про сроки, я отключу видеосвязь и вызову врача. Ты знаешь правила.

Я знал правила. И наш старый срок уже истёк. В мастерской это случилось ещё до Восьмого; просьба продлить срок так и осталась просьбой. Старое разрешение было просрочено, а новое мы только «просили», надеясь на авось. Гриша не терпел авось. В журнале у него стояла дата, и моего «мы же просили» рядом с подписью не появилось.

На экране планшета появилась мастерская Гриши. За верстаком темнела знакомая стена; от этого вида почти вспомнился запах масла на пальцах. Вместо него в палате пахло антисептиком. Захотелось самому стоять у верстака, а не ждать, пока Катя поправит мне экран. Гриша стоял спиной к камере, склонившись над верстаком. Рядом, прислоненный к стене, стоял экранированный кофр с непроданным В17. Сева был рядом с верстаком, отдельно от трофея, и повернул голову к экрану.

В бумагах — Резервный Тотем; у верстака — наш человек, который слушает и понимает, чем закончится разговор. Теперь нужно было добиться для него следующих пяти дней.

Гриша повернулся, отложив работу. Подтянул к себе журнал и остановил палец на строке. Начинать придётся с неё — мастер уже нашёл нашу просрочку.

— Звук включен? — спросил я, приподняв голову, стараясь не шевелить правой рукой. Голос получился сухим, хриплым.

— Слышу тебя, Дима, — ответил Гриша. Его голос шел из динамиков планшета, искаженный, но узнаваемый. — Ты выглядишь плохо. Фиксатор на руке? Бок обработан?

— Визуальная оценка состояния пациента входит в твои обязанности? — скосил глаза на свой фиксатор и снова на экран.

— Нет. Но если ты умрешь до того, как закроешь свой долг, мне придется искать нового заказчика. А я ленивый. Так что говори по делу. Что тебе нужно?

Катя указала на часы. Кивнул ей и придвинул подбородок к экрану, насколько позволяла подушка. На жалобы времени нет; Сева ждёт у верстака, а Гриша уже держит палец на нашей просрочке. Сева повернулся к камере. Хотелось попросить его подождать ещё чуть-чуть, но это он уже слышал. Перевёл взгляд на Гришу и его журнал. Там нужно получить пять новых дней — с датой и подписью. Иначе мастер выключит связь, а Сева так и останется стоять перед ним.

— Разрешение, — сказал я. — Письменное. На пять дней. Для Севы. Отчеты каждый вечер. Реальные условия, без фантазий.

Гриша фыркнул, и я уже знал, каким будет ответ. Так он слушал клиентов, которые начинали с длинной истории, а заканчивали просьбой о скидке. Моего больничного вида для подписи тоже не хватило. — Твой старый срок истёк, Дима. Даты у меня в журнале, и просьба продлить тоже — без моей подписи. Ты хочешь легализовать нарушение задним числом? Это не моя работа. Моя работа — держать мастерскую. А ты обещал рейд D. Мне нужен конкретный результат, не новый титул в твоей карточке.

— Старую дату исправлять не прошу, — начал я и переждал, пока отпустит бок. Пульс стучал в висках; говорить хотелось быстро, но от каждого резкого вдоха кололо под рёбрами. — Просрочил. Оставь запись в журнале, спорить с ней не буду. Но Севу мне оставь рядом, Гриша. Он там у тебя слушает, как мы торгуемся. А я лежу здесь и даже подойти к нему сейчас не могу. Мне нужен этот рейд D. День 35. Без него я не смогу закрыть цикл.

Гриша подошел к верстаку и взял маркер. Провёл на бумаге линию, затем придержал край листа. Катя подняла планшет чуть выше, чтобы мне было видно, и я снова улёгся затылком на подушку.

— На Севу посмотри, — Гриша сдвинул камеру. — Он здесь. А обещанный рейд где?

Сева стоял у верстака, прислушиваясь к нашему разговору. Встретился с ним взглядом через экран. Сева чуть подался к камере, ожидая моего ответа.

— Готовим. К тридцать пятому дню, — подтвердил я Севе и перевёл взгляд на мастера.

— С людей начни. И отчёт сегодня, пока ты ещё помнишь, что обещал, — Гриша прижал маркером край листа.

— Тогда слушай внимательно, Дима. Старую просрочку я в журнале оставляю. — Гриша постучал колпачком по строке, потом перевернул страницу. — Здесь поставлю сегодняшнюю дату. Новое пятидневное разрешение. Условия: отчеты каждый вечер, строго до полуночи. Подготовка настоящего рейда D должна быть завершена к дню 35. Пропустишь отчёт — нового согласия не будет, пока мы не разберёмся. И тогда ты будешь объяснять врачу, почему твоя левая рука дрожит сильнее правой.

Выдохнул сквозь стиснутые зубы и расслабил челюсть. Пять дней. Уже можно было распределять работу, а не гадать, сколько ещё Сева останется у верстака. — Согласен.

Глава 2

— Тогда дай мне две минуты, — Гриша подтянул к себе чистый лист.

Мастер отвернулся от камеры. В динамике шуршала бумага; щелкнула ручка. Сева остался у верстака, и я смотрел на него, пока Гриша писал за краем кадра. Сейчас бы мастер поставил подпись. До просрочки мы тоже просили, обещали, ждали ответа — Севе от всего этого легче не стало. Ручка снова щёлкнула. Закончил? Я подался к экрану, но в кадре по-прежнему был только Сева. Пришлось снова устроить затылок на подушке и слушать шорох бумаги. Катя держала палец над записью вызова; перевёл взгляд на неё.

— Отдельно сохрани, — попросил я. — Чтобы новую подпись среди старых просьб не искать.

Она коснулась записи и показала сохранённый ответ. Кивнул ей: теперь дождёмся листа, пусть Гриша допишет.

Через минуту Гриша снова появился в кадре. Он держал в руках лист плотной офисной бумаги. На нем крупным, угловатым почерком было написано несколько строк. Дата. Срок. Подпись.

— Читай вслух, — Гриша удерживал лист перед камерой, пока Катя наводила резкость.

Чуть поднял голову. Катя заметила это и приблизила экран, давая мне снова лечь на подушку. Читать пришлось медленно: угловатые буквы расплывались, стоило моргнуть. Добрался до срока, потом до отчётности. На строке об ответственности задержался — вот здесь Гриша вписал меня. За Севу отвечаю я. Прочёл вслух до конца, без пропусков: «Разрешение на пребывание субъекта "Сева" в зоне контроля мастера Гриши сроком на 5 (пять) дней. Начало действия: текущая дата. Отчетность: ежедневная, письменная. Ответственность за сохранность объекта и выполнение условий рейда D лежит на заказчике Диме. Продление возможно только отдельным письменным согласием мастера».

— Вижу, — проследил глазами до подписи и кивнул Кате: снимай.

— Теперь смотри сюда, — Гриша поднес лист ближе к камере и ткнул пальцем под дату. — Считай от сегодняшнего дня. Вечером жду первый отчёт. Катя, если он заснёт, пришли ты. Только подпись за него не ставь.

Он положил лист на стол, рядом с B17. На экране лист белел возле тёмного кофра; задержал взгляд на подписи, пока Гриша не убрал руку. Сева опёрся о верстак рядом. Кофр с B17 Гриша так и не открывал.

— Передай документ Кате, — попросил я, дождавшись, пока она снимет лист целиком. Нужен был отдельный снимок: дата, срок, подпись — чтобы вечером свериться с ними, а не искать нужную секунду в записи звонка.

Гриша кивнул и потянулся к кнопке отключения. Успел проверить, что подпись попала в кадр, — связь оборвалась. Экран погас. Катя держала планшет над кроватью; на погасшем стекле отражалось моё лицо. Подпись я успел разглядеть. Теперь бы к вечеру выполнить всё, что под ней написано. При попытке приподняться бок заныл; фиксатор пришлось устраивать на одеяле левой рукой.

Катя перехватила планшет удобнее, просмотрела присланное фото документа и усмехнулась. — Ты получил то, что хотел. Но посмотри на свои руки, Дима. Одна связана, другой за кровать держишься. А ты пытаешься управлять миром через экран.

— До мира ещё далеко, — сказал я, закрывая глаза. — Начну с вечернего отчёта. Сева остаётся у своих ещё на пять дней. Теперь нужно успеть сделать то, что я обещал.

Боль в боку пульсировала в ритме сердца. Первый день после операции ещё не закончился. До вечера нужно было отправить первый отчёт; до следующего пятидневного срока — получить новое согласие. Рейд я обещал на тридцать пятый день. Попросил Катю оставить

срок на экране. Пять дней — мало, но теперь можно считать от этой подписи, а не от Гришиной злости.

Сил хватало только лежать, зато вечерний отчёт я мог продиктовать отсюда. Для этого не требовалось вставать и дёргать шов.

— Операционный счёт закрыт? — спросил я, коснувшись левой края планшета.

— Часть новой выручки караванной смены бригады оплачена «Проходу Пети», — ответила она. — Согласованно зарезервирована на операцию. То есть, на твою руку и на жизнь тех, кто может попасть под раздачу, если ты не будешь здоров. Курс Швец продолжается отдельно. Её караван сейчас прошёл через терминал без тарифа. Приор прислал запись: первый из двух оставшихся льготных проходов списан. Один остаётся.

Кивнув, попросил открыть расчёт новой смены. Приор сохранил его на планшете; Катя приблизила строки, чтобы я мог проверить резерв. За работу бригады было заплачено, согласованный резерв ушёл в госпиталь; никакой залог из моей руки он не делал. Ни семейную долю, ни непроданный С25 мы туда не списывали.

— Костя передал спасателям место гибели сержанта Григория, — продолжила Катя, перелистывая страницу. — Извлечение ещё задача, семье перевод после её реквизитов и будущей продажи С25. Сам трофей у Смолы. Он держит слово.

— Дёма и Кривой? — задержал левую у края экрана: с этой страницы ещё рано уходить.

— Сохраняют снабженческий и товарные долги. — Катя вернула страницу назад. — Василиса сверяет четыре последних маяка и две оставленные отметки. Всё в порядке. Люди работают, Дима. Даже когда один из них лежит в госпитале с разорванными связками.

Первый день ушёл на швы и сон. На пятый Катя связала меня с Гришей до конца нового срока: он сверил вечерние отчёты, потребовал подготовку D и подписал следующие пять дней. На десятый мы получили следующее письменное согласие ещё до истечения предыдущего. Я видел подписи и сроки. Просрочку, оставшуюся в старой записи, никто не стирал.

Перед сменой белья Катя сняла рисунок Пети с сухого края бинта и вложила в сухой чехол. Зажигалку Смолина я держал рядом на тумбочке, целый чип был в днище. Копии записей она не отдала с моей грязной одеждой: они остались у неё.

На одиннадцатый день стрелка настенных часов доползла до трёх. Следил за ней с кровати, уже сидя и упираясь левой пяткой в пол. До ночи было далеко. Слишком далеко.

— Мне нужно тренироваться. — Пятку уже прижал к полу, но вставать без Кати не стал. Катя закатила глаза.

— Тренироваться? Ты сегодня уже прошёл коридор. Теперь хочешь ещё?

— Я могу ходить. Медленно. Могу делать приседания. Могу учить тело заново чувствовать баланс без опоры на правую сторону. Если я лягу обратно, не проверив движения с этим каркасом, на улице придётся учиться заново. А мне нужно стоять на ногах перед Адой Верейской. Чтобы она видела человека, а не овощ.

Она посмотрела на мою пятку у кровати и встала. У двери задержалась, выглянула в коридор; я ждал, пока вернётся, всё ещё упираясь ногой в пол.

— Хорошо. Но только под моим контролем. И только левая сторона. Никаких упражнений на правый плечевой пояс. Запрещено.

— Договорились.

Держась левой за спинку кровати, поднялся. До шага ещё дело не дошло, а спинку уже стиснул так, что ныли пальцы; шов на боку натянулся, и пришлось замереть, прежде чем отпустить опору. На первом шаге боль прошла от бока к спине; выдохнул и подождал, пока отпустит. Шаг. Пауза. Шаг. Пауза. На левую ногу вес переносил сразу; правую приходилось подводить мелкими движениями, почти скользя подошвой по полу. Стоило перенести вес вправо, и меня тянуло за каркасом. Возвращал левую стопу под себя, проверял, держусь ли, потом пробовал шагнуть снова.

Катя ходила рядом, готовая подхватить, если я упаду. На повороте она подставила мне локоть; я удержался сам и сделал следующий шаг. До следующего поворота добрался без её локтя. Там всё-таки взялся за него: лучше закончить круг на ногах, чем бодро упасть перед кроватью.

Потом, держась левой за поручень, стал приседать неглубоко, осторожно опускаясь и поднимаясь.

Врач остановил меня на первом рывке: медленно, не тянуть бок. Повторил движение так, как он показал, удерживая поручень левой. Десять раз. Пауза. Ещё десять. Пот стекал за ворот, хотя в палате было прохладно; на последнем приседании пришлось выдыхать сквозь зубы.

— Хватит, — сказала Катя, останавливая меня. — Ты перегибаешь.

— Ещё десять, — просипел я, всё ещё держась за поручень.

— Нет, Дима. Двадцать сделал, хватит. До кровати ещё дойти надо. Давай, я помогу.

Она помогла мне лечь, придерживая со здоровой стороны. Пока устраивал голову на подушке, ещё стискивал пальцы, словно держал поручень. Разжал их и вытянул ноги. Бёдра ныли; чуть развёл колени, поискал положение, в котором хотя бы переставало тянуть. Двадцать раз. На последних двух хотелось остаться внизу, но я всё-таки поднялся, и Катя меня не вытаскивала. Завтра попробую пройти дальше — после этих приседаний даже путь обратно до кровати пришлось бы считать отдельно.

— Ты выглядишь лучше, — заметила Катя, прикладывая к моему лбу влажную салфетку.

— Я чувствую себя хуже, — усмехнулся я.

— После упражнений так и бывает. — Катя сменила салфетку прохладной стороной. — Только не вздумай сбежать обратно к поручню. Про твои «ещё десять» я уже всё слышала.

Она села рядом и достала телефон. На экране светился профиль Лёвы Кима.

— Он ждет ответа. Он проверил адрес, но хочет понять, сможешь ли ты выйти. У Ады исчезает начало журнала, она просит независимого свидетеля.

— Скажи ему, что я дойду. Ночью.

Катя набрала сообщение. Отправила. Через минуту телефон завибрировал.

— Он пишет: «Подъездную камеру сняли. Машина без ведомственных знаков стоит у дома. Если отложим визит до утра, можем не застать ни её, ни журнал. Я останусь за кварталом с транспортом.»

— Какой риск? — Я приподнял голову, чтобы самому прочесть сообщение на её экране.

— Ада параноик. Она не открывает двери никому, кроме тех, кто знает пароль. Или тех, кто выглядит как угроза. — Катя открыла присланный Лёвой профиль. — И она глухая. Говори лицом к ней. Лучше напиши: выкрикивать имя в подъезде бесполезно.

— Выглядеть я буду так себе, — сказал я. — Раненый боец с пустой левой ладонью у двери. Не для того, чтобы её пугать.

Катя посмотрела на меня с тревогой.

— Ты хочешь взять оружие?

— Не хочу. Но оно должно быть при мне. Чтобы было чем держать лестницу, если этот автомобиль приехал не к соседям.

Она встала и подошла к шкафчику, где хранились мои вещи. Открыла дверцу. Внутри лежали три секции пики, рядом — её цепь, два механических цилиндра и станционный ключ. Плюс неактивный браслет идентификатора.

— Сверх номер мешка, — велел я.

Катя взяла бирку с мешка, сравнила с записями в блокноте.

— Номер совпадает. Секции целы. Цепь цела. Оба механических цилиндра на месте. Ключ здесь. Неактивный браслет оставляю отдельно, как упаковали.

Она начала собирать снаряжение. Обмотала секции тканью, закрепила ремнями и подняла чехол. Внутри стукнул металл. Катя снова распустила верхний ремень, проложила ткань между секциями. На этот раз я услышал только шорох.

— Ты идешь один? — спросила она, не поднимая головы.

— Да. Лёва будет ждать транспортом за кварталом. Если что-то пойдет не так, он вызовет помощь. Но сначала я должен увидеть её сам.

Катя закончила сборку. Положила чехол с секциями у кровати. Оба цилиндра и ключ я левой переложил в личную укладку; браслет остался в отдельной упаковке.

— Ты знаешь, что я не смогу тебя защитить, если ты ошибешься?

— Знаю. — Придвинул чехол к кровати и попробовал приподнять его левой. Держу. — У лестницы проверю, как иду. Если не потяну, вернусь к тебе. Но до утра оставлять Аду с этой машиной под окнами не хочу.

Она задержала руку на чехле. Захотелось обнять её — хотя бы притянуть к себе здоровой стороной. Поднял левую. Пальцы дрожали так, что пришлось опустить ладонь на одеяло. Только что обещал дойти до Ады, а теперь даже обнять Катю толком не мог. Она осталась рядом. Я смотрел на её руку на чехле и никак не решался снова потянуться к ней.

— Будь осторожен, Дима.

— Всегда.

К ночи в окне уже отражалась палата, а не двор. За стеклом выли далёкие сирены, на объездной грохотали грузовики. Собачий лай всякий раз мешал разобрать шаги в коридоре. Врач ещё обходил палаты; я ждал его, уложив левую рядом с курткой. До неё можно было дотянуться с кровати. Чехол Катя оставила у себя: пока разрешения нет, с пикой на выход меня не собирают.

Врач зашел в последний раз перед моим уходом. Осмотрел швы. Проверил температуру.

— Разрешаю ограниченный выход, — сказал он сухо. — Но если температура подскочит или появится отек, ты немедленно возвращаешься. Понял?

— Понял.

— И никаких драк. Никакого алкоголя. Никакого героизма.

— Никакого героизма, — повторил я, надевая куртку.

Фиксатор на правой руке был скрыт под объемным рукавом. Секции пики лежали в чехле за спиной, его край впивался в рёбра; терпел, пока устраивал ремень: к Аде нужно было выйти со снаряжением. Станционный ключ звенел в кармане, сталкиваясь с зажигалкой Смолина. При каждом шаге пластик зажигалки стучался о ключ. Чип в днище цел. Петя погиб, чтобы я мог стоять здесь, а его рисунок Катя убрала в сухой чехол. Ещё один стук в кармане — и я поправил ремень: пора идти.

Я вышел из палаты. Коридор был пуст. Под мерцающей лампой замедлил шаг: край ступени за поворотом то пропадал, то снова становился виден. До лестницы хотелось дойти без нового падения. Катя шла рядом, держа сумку с копиями документов.

— Помнишь адрес? — Катя придержала меня у лестницы, прежде чем позволить спуститься.

— Третий этаж, квартира 17. Дом на углу Промышленной и Тупиковой.

— Камера снята. Но машина без знаков всё ещё там.

— Лёва проверит ещё раз. — Дождался, пока она отступит, и поставил ногу на ступень.

— Лёва её уже видел. Только чья она, не знает: патруль или конкуренты.

— Может, и те, и другие.

Мы спустились по лестнице. В холле пришлось пропустить женщину, которая поддерживала пациента в халате; он переставлял ноги ещё медленнее меня. Катя придержала дверь, пока они прошли, потом оглянулась на мой бок. Вышел за ней, стараясь не отставать. Отдыхать на ступенях сейчас совершенно не хотелось.

На улице воздух ударил в лицо холодом и запахом бензина. Дождь только закончился, асфальт блестел, отражая огни фонарей. Сделал первый шаг, оттолкнувшись левой. Правую подтянул осторожно, стараясь мягче поставить стопу на мокрый асфальт. Каркас потянул вправо. Переставил левую стопу шире и удержался; следующий шаг сделал уже с поправкой на этот вес. Под ноги смотреть всё равно пришлось: мокрая выбоина могла закончить весь сегодняшний выход.

Катя остановилась у машины скорой помощи, которая всё ещё стояла во дворе.

— Я буду на связи, — сказала она. — Если не ответишь через час, я вызову Лёву.

— Хорошо.

— Дима...

Она замялась, задержавшись рядом с моей здоровой рукой. Я тоже остановился. Катя открыла рот, посмотрела на фиксатор под рукавом и кивнула; договорить ей я не помог. После этого кивка уходить стало труднее.

— Иди.

Повернувшись, пошёл к воротам; ремень чехла пришлось ещё раз поправить левой. Шаги были тяжелыми, но ровными. От ворот уже видел угол, где ждал Лёва. Добраться бы до сиденья: там можно перевести дыхание, прежде чем лезть на третий этаж.

За воротами больницы начинался район старых складов. Шёл вдоль облупившейся стены, держась подальше от мокрого бордюра. Под воротником выступил пот, хотя от ворот тянуло холодом. У угла наконец увидел машину Лёвы. Ещё этот кусок улицы — и можно сесть, не заботясь, как выгляжу со стороны.

Лёва Ким ждал меня у угла квартала. Его машина была старой, серой, с обычными городскими номерами. Он сидел за рулем, курил сигарету, выпуская дым в окно.

— Ты жив, — сказал он, когда я сел на пассажирское сиденье. Голос был хриплым, как всегда.

— Почти. — Я отодвинул чехол от большого бока и устроился на сиденье.

— Ада на третьем этаже. Окна светятся. Значит, дома.

— Машина без знаков? — Я посмотрел через лобовое стекло на угол дома.

— Переставили за угол двадцать минут назад. Чьи они, не знаю. Номера снял.

Лёва завел двигатель. Машина взревела, выплевывая облако выхлопа.

— Куда едем? — Лёва придержал машину у выезда, ожидая моего ответа.

— К дому. Высади за углом, дальше пойду пешком. Потом отъезди за квартал и жди там.

— Ты один? — Он повернул ко мне голову, оставив ладонь на руле.

— Один. Так надо.

Лёва посмотрел на фиксатор, потом на чехол у моего колена. Несколько секунд держал машину на тормозе. Я ждал. Наконец он повернулся к дороге и отпустил педаль; спорить дальше мы оба могли только ценой времени Ады.

Машина подъехала к нужному зданию. Пятиэтажка из кирпича, с облупившейся краской и забитыми досками балконами. Подъезд №2.

Вышел, придерживая дверцу левой, и дождался, пока выровняется дыхание. После тёплой машины холод пробрался под куртку; я передёрнул плечами и тут же пожалел — больной бок отозвался, а под воротником по-прежнему стоял пот. Левая рука придерживала ремень чехла с пикой под курткой. Правая висела бесполезной тяжестью.

В подъезде пришлось толкнуть тяжёлую дверь левым плечом. Запах мочи и сырости. Стены исписаны именами, датами, угрозами. Лифт не работал. После нажатия кнопки за дверцами ничего не загнуло, указатель этажа так и не загорелся.

На первой ступени ещё смотрел вверх, на поворот пролёта. К третьей уже пришлось опустить голову и считать, куда ставлю ногу. Дыхание сбилось. Пот выступил на лбу. Останавливался каждые пять ступеней, прислоняясь спиной к стене; переживал стук сердца, прежде чем

снова оттолкнуться здоровой ногой. Пульс бил так часто, что на остановках считал вдохи, а не ступени. Пять шагов ещё выдерживал; на шестом колело так, что снова прислонился к стене и переживал боль.

Второй этаж. Третий.

Дверь квартиры 17. Металлическая, с кодовым замком. Глазок был затянут пленкой изнутри.

Я остановился перед ней. Вдохнул. Выдохнул.

За дверью лежали замеры, которых не оказалось в городском журнале. Я смотрел на номер квартиры, пока переставало колоть в боку: ещё немного, и смогу говорить без одышки. Аде нужно показать вопрос о съезде. Сначала отдышусь: скрюченному незнакомцу у двери она вряд ли обрадуется. От этих записей зависело, доберёмся ли мы до тех, кто нас предал.

Поднял левую руку. Пальцы дрожали; прижал большой к ладони, но дрожь осталась. За этой дверью мог быть ответ, ради которого я дошёл сюда со свежими швами.

Левую удерживал у двери, ещё не касаясь металла. Глазок оставался тёмным. Повернул пустую ладонь к двери: если Ада уже смотрит, пусть разглядит и её, и фиксатор. Несколько секунд ей на это хватит. Мне — чтобы отдышаться и не начать вопрос о журнале с хрипа.

И вдруг, из-за двери, донесся звук. Щелчок. Как будто кто-то отложил книгу. Или включил запись.

Задержал дыхание. Щелчок пришёл из квартиры, совсем рядом с дверью: на площадке я уже был замечен.

Но я всё ещё не стучал.

Заметила меня, а открыть не спешит. Я бы на её месте тоже сперва смотрел в глазок: кто пришёл, что держит, где вторая рука. Ручку оставил в покое. Дёрнусь к ней — и вместо вопроса о журнале придётся объяснять, зачем ломлюсь в квартиру.

Ждал, удерживая левую руку на весу. Опустить её было проще, чем держать; постучать — ещё проще. Но за дверью уже двигались, и я дал Аде эти несколько секунд, стараясь не выдать боль частыми вдохами.

С улицы доносились сирены, шум машин, крики детей. Прислушивался к ним, но едва за дверью шуршало, снова смотрел на глазок. Ну же, Ада. Я дошёл. Если сейчас отойдёт, придётся стучать, пока не решила, что незнакомец убрался с площадки.

Я был один. Перед закрытой дверью.

Ещё не постучал.

Оставалось постучать так, чтобы Ада захотела хотя бы прочесть, кто пришёл.

Металл двери охлаждал предплечье через ткань куртки. Хотелось постучать и поскорее попасть внутрь. Третий этаж, квартира семнадцать. Адрес выдал Лёва Ким. Теперь его предупреждение о снятой камере вспоминалось вместе с каждым шорохом снизу; я прислушивался, ожидая шагов на лестнице.

На площадке пахло мокрыми обоями. Стоял боком к двери, не зная, даст ли Ада произнести хоть слово; снизу мог появиться кто угодно, а отступать до пожарного окна пришлось бы спиной.

Правая рука была закована в фиксатор — жёсткий полимерный кокон, обтянутый кожей. Кисть внутри него оставалась неподвижной: ни взять предмет, ни упереться ладонью. Стоило задеть край каркаса, и боль поднималась к локтю; приходилось разворачивать корпус целиком. Три сложенные секции пики лежали в чехле под курткой. Его край впивался в рёбра; так и тянуло сунуть левую под куртку и отодвинуть металл. Уже согнул пальцы, но удержал ладонь перед дверью. Из глазка такое движение выглядело бы скверно. Потерплю: пусть Ада сначала разглядит пустую руку и фиксатор, а не решит, что пришедший полез за оружием.

За дверью жила Ада Верейская. Свидетель. Картограф. Независимые замеры съезда были в её журнале.

Поднял левую руку и постучал. Три удара. Между ними прислушивался: ответа нет, но сквозь дверь слышен шорох.

Постучал снова, громче. Костяшки заныли; оставалось надеяться, что она заметит ещё и движение двери, раз не слышит.

Вдруг глазок потемнел изнутри, словно его закрыли пальцем. Отшатнуться не успел. И в ту же секунду металл двери вздрогнул. Из маленького отверстия вылетела стальная игла. Штырь. Заострённый конец метил прямо в меня. Он вошёл мне в плечо на миллиметр выше ключицы, разорвав ткань рубашки и кожу. Боль была короткой, острой, как удар тока.

Рванулся назад и перекатился по плитке лестничной площадки, подальше от торчащего из двери штыря. Только на плитке успел сообразить, что произошло. Дверь не открылась. Она осталась намертво запертой, а штырь торчал из неё, вибрируя от силы удара.

— Не аудит! — прокричал я в замочную скважину, хотя знал, что она глухая. Или делает вид.

Никто не ответил. Только слышался шорох. Кто-то двигал мебель. Баррикадировал вход.

Прижался спиной к стене, дыша часто, и левой вытащил телефон из кармана. Экран светился красным: «Вызов». Лёва. Но я не взял трубку. Пальцем погасил вызов. Ещё один крик — и она запустит следующий штырь, прежде чем объясню ошибку. Если считает меня наводчиком спецслужб или конкурентов, кричать своё имя бессмысленно. Лицо моё ей видно плохо. Нужно показать имя на бумаге, поближе к стеклу.

Из кармана брюк я вытащил сложенный листок из блокнота. Ручки при себе не было.левой достал из-за уха карандаш, которым делал заметки на карте района. Писал быстро, крупно, дрожащей рукой:

«НЕ АУДИТ. ДИМА. ПЫРЬЕВ. ОТКРОЙТЕ. У ВАС ТЕТРАДЬ ГОРИТ».

Последнюю фразу добавил наугад. Из прошлого вспоминалось, как картографы берегли свои записи; на это и поставил. Отложит засов, бросится проверять тетрадь — лишь бы прочла и перестала считать меня тем, кто пришёл за её листами. Ещё раз провёл карандашом по слову «ГОРИТ»: пусть сразу заметит.

У окна лестничной площадки была дверца на пожарную лестницу. Я отжал заедающий язычок, вышел на узкую ржавую решётку и вдоль стены добрался до кухонного окна Ады. За стеклом мелькнула высокая сутулая женщина в сером свитере с растянутыми манжетами. Она держала в руках что-то толстое, похожее на книгу или папку.

Ада посмотрела на меня, почти не моргая. Проверяла фиксатор, задержалась на шрамах у запястий. Поднял лист повыше и замер, чтобы успела прочесть; от решётки тянуло холодом через подошвы.

Она отвернулась. Через приоткрытую форточку донёсся щелчок газовой конфорки; я подался к стеклу, пытаюсь разглядеть, что она положила на плиту.

Чёрт.

Глава 3

Из пачки в кармане куртки достал салфетку для второй записки — запас всегда носил при себе. Написал на ней:

«СВИДЕТЕЛЬ В ОПАСНОСТИ. МЫ ЗНАЕМ ПРО СЪЕЗД. Я НЕ ПРИШЁЛ ВАС УБИВАТЬ. ХОЧУ СОХРАНИТЬ ВАШ ЖУРНАЛ».

Прижал лист к стеклу. Внутри кухни женщина замерла. Она медленно подошла к окну и чуть приоткрыла форточку. Я просунул ей салфетку, удерживая карандаш между пальцами той же левой руки. Она взяла маркер с подоконника, написала на обороте и вернула мне лист через щель.

Написано было аккуратно, без наклона, печатными буквами:

«КВАДРАТ».

Конторский штамп. Агенты ставили этот знак, показывая принадлежность к системе. Задержал карандаш над салфеткой: вот что она хочет выяснить. Свой ли я для них? Согласиться — и она примет меня за их человека. Молчать — оставить ей ту же догадку.

Прижав салфетку к подоконнику левым предплечьем, зачеркнул слово карандашом. Написал поверх:

«Я НЕ ИХ. Я ИЗ ГАРАЖЕЙ. ИЗ ВОСЬМОГО».

Это было опасно. Я назвал место, откуда меня совсем недавно вывезли на носилках; эфир она могла видеть, но имя в записке ещё не делало меня своим. Ада знала город лучше, чем я. Пусть проверяет лицо, шрамы, всё, что отличало меня от человека с удобной легендой.

Она прочитала и посмотрела на меня. Потом наклонилась к стеклу, разглядывая фиксатор. Край госпитального шва ещё виднелся у него, поверх держалась сухая повязка. Я оставил руку как есть: пусть смотрит. Такую подпись госпиталь поставил на мне без моего согласия.

Ада повернула голову, замерла, будто проверяя толчки под ногами. Смотрела уже мимо меня, вниз.

Я тоже замер. Где-то внизу, в глубине подъезда, послышался тяжёлый гул. Вибрация стен. Шаги? Нет, слишком ритмичные. Слишком синхронные.

Ада вернулась к окну. Написала новое сообщение:

«ЗАПОЗДАЛИ. ИДУТ ПО ВИБРАЦИИ. ВЫ БЫСТРЕЕ?»

Ответ был очевиден. Они шли за мной. Или они уже были здесь. Лёва предупреждал о машине у дома, но я рассчитывал успеть поговорить с Адой. Теперь снизу шли шаги. Разговор придётся отложить.

Я вернулся вдоль пожарной решётки к окну площадки и пролез внутрь. Уже у квартиры услышал щелчок. Замок отскочил.

Ада распахнула дверь и тут же придержала её, оставив мне узкую щель. Выше меня на голову, худая, с острым подбородком и волосами, собранными в тугий, небрежный узел; пришлось повернуться боком, чтобы не задеть её фиксатором. Она смотрела мимо моего плеча на лестницу. Задержись я ещё на шаг — захлопнула бы дверь перед носом, и правильно: торчать на площадке сейчас было самоубийством.

— Быстро, — прошептала она губами, которые едва двигались. Я не услышал ничего, кроме шума крови в ушах, но понял по форме.

Шагнул внутрь и левой закрыл дверь за собой. Засов. Цепочка. Второй замок. От каждого щелчка хотелось оглянуться: после грохота на лестнице даже засов казался слишком громким. Закрывайся уже.

Квартира пахла пылью, старыми книгами и... гарью. Слабым, сладковатым запахом горящей бумаги.

Мы прошли в кухню. Там, на газовой плите, стояла сковорода. На ней лежали страницы. Толстая тетрадь в клетку, исписанная мелким почерком, была разорвана на части. Ада спокойно поднимала лист за листом и бросала их в пламя конфорки.

— Стой! — крикнул я, хоть и знал, что она не слышит слов. Я схватил её за плечо левой рукой.

Она обернулась и сбросила мою ладонь с плеча. Нахмурилась: «не мешай». Пока я пытался повернуть её к себе лицом, снова бросила страницу в огонь.

«Первое правило: бумага — улика», — вспомнил я строчки из её профиля, который собирал Лёва. Она уничтожала доказательства, чтобы они не попали к врагу. Лист с датой она держала над огнём за угол, пока тот не занялся. Следующий уже подцепила пальцами. Сейчас она лучше сожжёт всё сама, чем позволит унести.

Но эти данные были нужны мне. Нужны всей команде. Это была карта съезда. Единственная физическая копия того, что происходило в городе последние полгода.

Пламя лизало край тетради. Обугленная бумага крошилась. На странице ещё можно было разобрать дату и линии схемы; затем угол свернулся, и цифры рассыпались чёрными хлопьями. Я потянулся к тетради раньше, чем Ада успела взять следующий лист.

Беспокойство сменилось яростью. Перехватив край обложки левой, сдёрнул тетрадь со сковороды на столешницу. Огонь побежал по раскрытым листам. Потянул бумагу к себе; она зацепилась за край каркаса. Горящий угол скользнул под рукав, прямо к открытой коже у фиксатора.

Боль была такой, что мир стал белым. Отшатнулся, удерживая обложку левой; связки прострелило до плеча. Оторвавшийся лист остался на правом каркасе, его горящий край забился под рукав. Рука висела на ремнях; опереться на неё было бы последней дуростью.

Положил тетрадь на холодный край столешницы. Стянул левый рукав расстёгнутой куртки и свободной полкой накрыл огонь на тетради и каркасе. Прижал ткань здоровой ладонью, не давая на правую. Под тканью ещё хрустела бумага. Держал, пока шипение не стихло: если сейчас отпущу, разгорится снова.

Шипение. Запах палёного мяса и резины.

Ада замерла. Она смотрела на мою руку, которая дымилась, и на её собственную тетрадь, первая треть которой уже стала пеплом.

— Ты дурак, — написала она на салфетке, которую сорвала с полки. Подсунула мне под нос.

Скрипнув зубами, вытащил обожжённую руку из-под бумаги. Фиксатор расплавился в одном месте, оголив красный, опухший кусок кожи. Боль пульсировала в висках.

Левой поднял то, что осталось. Обугленный край хрустнул под пальцами; пришлось подхватить тетрадь снизу, за целый переплёт. Тетрадь была деформирована. Первая треть страниц превратилась в угольки. Но две трети уцелели. И самое важное — на обугленных краях сохранились чернила. У самого чёрного края ещё читались даты и строки записей. Перелистывать было страшно: чуть сильнее нажмёшь — и вместе с пеплом осыплется имя.

— Начало сгорело, — проговорил я, повернув лицо к Аде. Она следила за губами; приходилось выговаривать слова медленно, удерживая перед ней покоробленную тетрадь. — Вот эти листы ещё можно прочесть. Смотри, чернила остались. А за началом придётся идти к тому, кто всё это заказал. К владельцу карты. Так что больше ничего не жги, ладно? Мне и этой руки хватит.

Ада кивнула. Она смотрела на уцелевшие листы, прикусив губу. Когда я попытался выровнять обложку, придержала её пальцем: хрупкий край сразу затрещал. Отнять тетрадь обратно она уже не пробовала. Затем перевела взгляд на дымящийся край моего фиксатора и стиснула губы.

— Пошли, — написала она.

Она начала собирать вещи. Вторую тетрадь, пустую, в твердом переплете. «Чистовик для тебя», — показала она жестом, намекая, что теперь вся информация должна перейти туда. Сунула в рюкзак карту района с пометками ручкой.

Потом она остановилась. Посмотрела на коврик у входной двери. Под ним лежал маленький приборчик, похожий на датчик дыма, но с проводами, идущими в пол.

— Вибродатчик, — прочитал я по губам.

Она кивнула. Выдернула его. Провода потянулись из-под коврика; Ада убрала прибор в рюкзак. Раньше она сверялась с ним, прежде чем смотреть на дверь. Теперь шаги оставалось ловить подошвами и слухом, без её точного предупреждения.

На миг показалось, что дрожат мои ноги. Но у Ады качнулась застёжка рюкзака, она тоже замерла: толчок пришёл через пол.

Пол под ногами завибрировал. Низкий, гудящий бас. Шаги в подъезде. Много шагов. Синхронных. Тяжелых.

Ада схватила меня за здоровую левую руку и потянула к прихожей. Она включила свет в коридоре, потом резко выключила. Темнота.

— Их четверо, — написала она на том самом листе, который я показал в окно. Поднесла лист к моему лицу, повернув к слабому свету окна. Пришлось наклониться почти вплотную, чтобы разобрать буквы. — Всегда четверо. Пятый сидит сверху.

Пятый. На чердаке или на крыше. Снова глянул на окно: ещё недавно висел снаружи, держась одной рукой за решётку. Там меня и снимать не пришлось бы — хватило бы толкнуть. Теперь назад этим путём нельзя. А на лестнице уже четверо.

Снизу, из-под двери подъезда, донёсся скрежет металла. Кто-то ломал замок.

Вытащил пику. Древко холодило пальцы. Зажал нижнюю секцию между коленями, защёлкнул остальные левой и проверил замки. Правую оставил у груди: ни хватать, ни упираться ею было нельзя. Нехитро. Тяжело. Но левой я это уже делал.

— Оборона, — шепнул я сам себе.

Ада кивнула и подтянула лямку рюкзака. Смотрела прямо на дверь. Ждала их годами — и сейчас стояла здесь, со своей тетрадью за спиной, пока снизу лезли люди, от которых она прятала записи.

Занял позицию у стены, прижимаясь спиной к холодному бетону. Пика направлена вниз, в зону поражения лестничной клетки. Свет в квартире погас. Оглянувшись, различил в темноте силуэт Ады. Она держала перед собой рюкзак; там лежали уцелевшие листы и чистовик. Столько возни с этой тетрадью — теперь бы ещё вынести её отсюда вместе с хозяйкой.

Дверь подъезда внизу хлопнула.

Вжал правый локоть в бок. От этого ожог под фиксатором занял сильнее, зато рука перестала болтаться при повороте. Снизу скрипнула первая ступень. Пора.

Стоял у двери, прижавшись спиной к холодной кафельной плитке коридора. После погасшего света пришлось слушать, почти не двигаясь: Ада была за спиной, и её шорох легко принять за шаг у порога.

На несколько секунд прикрыл глаза, отсёк блики окна. За дверью шуршала одежда. Выдернутый Адин датчик молчал. Частые толчки доходили через подошвы, а у стояка отдавались ещё резче: кто-то ломал замки этажом ниже. Замки поддавались с треском. Резкие, сухие щелчки металла о металл, глухие удары плечом в полотно. Они шли вверх. Быстро.

Ада сидела на полу кухни, обхватив колени руками. Лунный свет из окна доставал до её лица. Я старался оставаться там, где она сможет разглядеть моё лицо. Ада смотрела на меня, потом на дверь, потом снова на меня. Губы шевельнулись, но звука не было.

При каждом толчке пола она поднимала голову, ловила мой взгляд. Если понадобится предупредить её, придётся попасть в поле зрения: крик через квартиру до неё не дойдёт.

— Их четверо, — прошептал я, повернув лицо к свету окна. Ада подалась вперёд, следя за губами. Повторил медленнее: «Четверо. Пятый сверху». Она показала вверх; кивнул, да, помню.

Ада кивнула. Медленно. Расписание она знала лучше меня: пары на лестничных пролётах, пятый — сигнальщик на чердаке или во дворе. Оглянулся на кухонное окно. Пока дошёл сюда, они уже обошли внешнее кольцо; высунуться на решётку сейчас — подставить нас обоих. Ада поджала ноги, освобождая мне место у двери.

Внизу раздался новый звук. Зашипело; поверх пыли потянуло химической вонью. Зажал рот, сдерживая кашель. Дымовая шашка? Если газ, за дверью тоже не отсидеться. Нужно встретить их до того, как станет нечем дышать. По ногам потянуло холодом — тяга с нижних этажей изменилась. Опустил взгляд к порогу: секунду назад воздух там был чистым. Дым поднимался.

Переступил ближе к двери, скрипнув подошвами по линолеуму. Правая рука в фиксаторе ныла. Металлическая пластина давила на запястье, при каждом движении отдавая болью в порванные связки. Правый локоть оставался прижат к боку; вся работа доставалась левой. Трёхсекционная стальная труба лежала в левой руке, собранная до рабочей длины, почти два метра. Сдвинул хват и качнул древко у бедра: для удара оно ложилось как надо, ладонь не пришлось разжимать. Держать почти два метра стали одной рукой долго не выйдет; пока они возятся снизу, упёр конец в пол. Ожог на правой руке под краем фиксатора пульсировал в такт сердцу.

Прислонил пику к стене, прижал бумагу коленом и написал левой, пока Ада стояла рядом.

— Иди в угол за шкаф, — сунул ей ключок под нос. Крупно, жирно. — Сиди там. Не высовывайся. Если увидишь огонь — туши тряпкой.

Ада прочитала. Встала, схватила свой рюкзак с уцелевшими двумя третями журнала и чистовиком и юркнула за массивный советский шкаф в прихожей. Лямка зацепилась за ручку; Ада высвободила её сама, прежде чем я успел протянуть руку. Там была щель между стеной и мебелью. Тесная, пахущая пылью и старыми вещами, но защищенная.

Снова взял пику и повернулся к входной двери. Убрал цепочку и засов, оставил ключ в скважине; дверь держалась на защёлке. Попробовал, достаточно ли места для замаха. Если вынесут дверь внутрь, прижмут меня к стене вчетвером. Если полезут отмычкой или инструментом — пусть первый войдёт сам. Держать острие напротив щели было бы проще, но тогда его увидят ещё с площадки.

Шум внизу стих. Теперь он стал другим. Мягким, но настойчивым. Шаги стали глуше, будто по ковру. Кто-то включил фонари. Свет начал просачиваться сквозь глазок и щели вокруг дверного полотна. В щели у порога свет появился, пропал и появился снова. По этому движению пытался понять, сколько их стоит перед дверью. Держался левее: если засветят в глазок, моего лица там не должно быть.

Они были уже на третьем этаже. Третий. Наш этаж.

Прислонился плечом к стене рядом с дверью, держась в слепой зоне от глазка. Сердце колотилось где-то в горле. Выдохнул через приоткрытый рот, чтобы они не услышали сопения. Край древка касался бедра; по этому касанию держал направление острия, пока смотрел на щель у порога.

За дверью коротко окликнули и ответили. Слов сквозь ветер в вентиляционной шахте не разобрал. Ждал следующего голоса: если перекликаются перед входом, надо дожидаться, пока замолчат, и не начать двигаться раньше.

За дверью тонко звякнуло. Стекло? На миг представилось, как кто-то возится с глазком. Потянулся взглядом к светлой точке на двери — и снова замер: звук пришёл сбоку.

Пикнул динамик домофона. Кто-то вызвал квартиру.

Я замер. Ада из-за шкафа посмотрела на меня, широко раскрыв глаза. Она не слышала пиканье, но видела мой жест рукой — «тихо».

Динамик пискнул еще раз. Требовательно. Напористо. Обычный звонок в дверь был бы мягче. После второго сигнала ручка ещё оставалась неподвижной. Они давали мне время подойти — именно туда, где ждут увидеть.

До домофона пришлось бы пройти перед дверью. Остался у стены. Пусть думают, что в квартире пусто, хотя верилось в это плохо: после шагов на лестнице они остановились именно у нашей двери и теперь вызывали квартиру.

Медленно перевёл взгляд на ручку двери. Она дернулась. Сначала легко, проверяя, заперта ли. Потом сильнее. Щелчок язычка замка прозвучал оглушительно в тишине квартиры. Замок открылся.

Не взломали. Открыли ключом.

У них был мастер-ключ. Или украденный. Или сделанный по образцу. Ни возни с отмычкой, ни удара плечом, по которому можно выбрать момент. Держал древко у бедра, надеясь успеть, пока створка отходит от косяка.

Дверь начала распахиваться. Медленно, со скрипом старых петель. Три дня назад я ещё лежал под надзором врача, а этот звук уже обещал лишнюю перевязку. Петли скрипнули ещё раз. Смотрел на край двери: хватит ли мне места для древка, прежде чем он войдёт целиком?

Из приоткрытой двери фонарём ударили прямо в лицо. Зажмурился и отвернулся, закрывая глаза левым предплечьем. У стены ещё секунду назад был виден косяк — теперь белое пятно. С этим пятном и придётся бить. Пика осталась в той же ладони, опущенная к бедру. Пока закрывался от света, оставил острие вниз. Если он сейчас ударит, поднимать древко уже поздно. Опустил предплечье, стараясь разглядеть хотя бы его колени.

Удара не последовало. У самого лица пахло резиной и потом; человек стоял рядом и всё ещё слепил меня фонарём. Чего ждёшь, сука? Хотели взять живым? Или боялись шума выстрела в жилом доме? Пришлось слушать, не щёлкнет ли затвор. И помнить про другую руку: ножом или дубинкой он мог ударить без всякого щелчка. Газом внизу уже воняло.

Перед глазами расплылось белое пятно. Вокруг него темнел силуэт; где у него вторая рука, приходилось угадывать. Моргнул, попытался разглядеть плечи — пятно осталось.

— Выключи, — хрипло сказал голос за дверью. Мужской, низкий, с хрипотцой курящего.

Шагнул навстречу свету. Под подошвой хрустнул мусор у порога. Человек с фонарём подался назад, но луч удержал на моём лице; до него оставался один замах.

Фонарь качнулся, следя за мной. Луч скользнул по стене, по моему плечу, возвращаясь к лицу. От света резало глаза, слёзы текли по щекам. Продолжал идти вперёд, держась на светящемся круге. За ним могло быть что угодно; до самого фонаря я ещё доставал. Выбить его к чёрту, пока мне не сунули нож под рёбра.

Повёл пику левой по широкой дуге. Остриём вслепую не достать; зато светящийся фонарь видел даже сквозь слёзы. Целил древком в него и чуть перенёс вес на левую ногу, чтобы каркас не увёл замах вправо.

Удар получился глухим. Древко пики встретилось с пластиком и стеклом. Фонарь треснул, и луч мигнул, дрогнул, погас. Перед глазами ещё висело белое пятно, но его владелец зашуршал совсем рядом, у порога. Место я помнил. Главное — не дать ему отойти, пока он тоже привыкает к темноте.

— Блядь! — выругался тот же голос. Ближе. Гораздо ближе.

Справа качнулся воздух. Удар. Кулак или рукоять пистолета летел в мою голову. Отклонился влево; удар просвистел над виском. Реакция была заточена годами тренировок, но тело сопротивлялось. Правая рука, закованная в фиксатор, не могла принять участие в блоке. Она была балластом, тяжелым и неудобным.

Ответил разворотом пики в горизонтальной плоскости, удерживая древко левой. Тупой конец древка попал в солнечное сплетение человека напротив. Он захрипел, звук вышел сдавленным, булькающим. Тело сложилось пополам, упало на колени.

Это был первый. Один из пары.

В темноте раздалися шаги. Быстрые, нервные. Второй из пары шагнул следом. Снизу ему коротко ответила рация; ещё двое бросили периметр и избежали к двери. Теперь все четверо были здесь. Они не видели, где я, но слышали падение товарища.

— Рано! — крикнул кто-то.

Раздался щелчок зажигалки. Маленький огонек вспыхнул в глубине коридора, у дальней стены. Свет от него был тусклым, красноватым, отбрасывал длинные, искаженные тени. Я увидел ноги. Двое стояли у порога кухни, держа в руках какие-то короткие предметы. Ножи? Пистолеты с глушителями?

Из-за шкафа донёсся низкий, вибрирующий гул Ады. Она пела? Считала? Разобрать слова было невозможно. Звук тянулся на одном дыхании, перекрывая шорох подошв. Пришлось повернуть голову, чтобы снова отделить шаги чистильщика от её голоса.

— Заткнись! — рявкнул один из чистильщиков, двигаясь к кухне.

Он шел на звук голоса Ады. На ошибку.

Ждал у края стены. Слушал дыхание. Оно было частым, поверхностным. Он нервничал. Шагнул, остановился, снова шагнул. Дыхание слышал всё ближе; старался не ответить ему собственным хрипом. В темноте я уже дрался, а он пока искал, куда поставить ногу. Пусть ещё шагнёт.

Когда он поравнялся со столом, шагнул из тени. Подошва мягко перекатилась с пятки на носок, чтобы скрип линолеума не выдал удар заранее. Пика в левой руке поднялась вертикально, острие вниз. Нанёс удар сверху вниз, в основание черепа. Короткий, точный.

Хруст позвонков прозвучал отчетливо, даже сквозь шум крови в ушах. Тело рухнуло у стола. Отступил, чтобы падающий не увлёк древко за собой; острие освободилось, а под подошвой уже лежала его нога.

Двое. Осталось двое.

Из гостиной ударили вторым фонарём. Прищурился, убирая голову из луча; острие осталось внизу, над упавшим. Если сейчас бросятся оба, поднять его навстречу нужно одним движением.

— Ты! — крикнул третий.

Он бросился вперёд, перешагнув через упавшего товарища. В руке блеснул короткий тактический нож. Убрал живот за древко: таким ему хватит одного тычка, широкий замах он мне не подарит.

Отступил, увлекая его за собой в коридор. Узкое пространство было на моей стороне. В тесноте ножу как раз хорошо: ему не нужен широкий замах. Поэтому я не отдавал ему последнее полшага. Укороченный хват пики оставлял между нами сталь, и эту дистанцию требовалось удерживать.

Нож сверкнул перед моими глазами. Я подставил древко под его предплечье и шагнул сбоку, придавив руку сталью к стене. Клинок скользнул мимо манжеты. Правую зацепило его плечом — боль прострелила до шеи, но держал его не фиксатор: я навалился корпусом на пику.

Чистильщик попытался выдернуть нож, потянул на себя. Использовал эту инерцию. Шагнул вперед, прижимая его к стене, и ударил коленом в пах. Он согнулся, выпуская оружие.

Последний, четвертый, стоял в дверях кухни. Он видел все. Его фонарь качался: при каждом движении моего пленника свет пропадал за плечом и снова бил мне в глаза. Пытался следить за кистью, которая держала оружие, а не за лучом. Лица не было видно, только белый круг света и тень за ним.

— Сдавайся, — он остановил фонарь на моём лице. Голос спокойный, дыхание ровное; дуло пистолета держал ниже луча.

В его руке был пистолет.

Я замер. Левая рука с пикой была занята, правая — бесполезна, под фиксатором жгло; чужое тело было прижато древком к стене. Шансов на быстрый бросок пикой в цель с расстояния трех метров у меня не было. Слишком далеко. Слишком много времени на прицеливание.

— Тетрадь, — он чуть качнул стволом в сторону шкафа. — Отдай тетрадь, и выйдешь живым.

Назвал именно тетрадь. Теперь понятно, почему не стрелял сразу; только верить обещанию мне от этого ничуть не хотелось.

Из-за шкафа вышла Ада. Она шла медленно, держа руки перед собой, пустые, показывая, что нет оружия. На свету лицо у неё казалось серым. Она смотрела на пистолет; пытался поймать её взгляд, остановить, но она шагнула ещё ближе к лучу.

— Уходи, — сказала она. Громко. Четко. Я слышал каждое слово.

Четвертый усмехнулся. Свет фонаря дрогнул.

— Не сегодня, девочка.

Он поднял пистолет от моей груди к её голове. Ада ещё держала пустые руки перед собой; за светом фонаря, похоже, не разглядела ствол. Ждать, пока заметит, я уже не мог.

Рванул вперёд, отталкивая тело чистильщика в стену: ещё секунда, и он выстрелит в Аду. Пика в левой руке пошла снизу вверх. Древко ударило по кисти с фонарём. Луч рванулся вверх; пластик хрустнул, но лампа не погасла.

Мне хватило этого рывка.

Фонарь четвертого чистильщика все ещё горел, но теперь он бил прямо в потолок, ослепляя самого владельца, пока луч не стабилизировался. В этой вспышке я увидел его силуэт. Он стоял у входа в кухню, чуть боком, прицеливаясь.

Бросился вбок, за край луча. Прислушался: шагов больше не было. Четвёртый удерживал место у кухни. Теперь он мог стрелять, как только поймает меня светом.

Упал на живот, скользнув по линолеуму. Пуля прошла надо мной, за спиной что-то щёлкнуло о стену. Грохот выстрела ударил по ушам, заложило обе перепонки; сквозь звон пришлось ловить шорох его подошв.

— Ада! — крикнул я и приподнял лицо к ней. Кивнул вниз, насколько позволяла боль, простреливавшая от правой руки до шеи: ложись. Только бы она успела увидеть.

Луч метнулся к ножке стола, прошёл по краю ковра. Там, где он только что был, я мог сдвинуться, пока чистильщик искал дальше. По полу пришлось двигаться медленнее, чем хотелось: каркас царапал линолеум, и каждый такой звук заставлял замирать.

Он был слишком занят поиском меня, чтобы следить за ней.

Пополз к кухне на локте и коленях, низко, чтобы не попасть в зону поражения луча. Правую держал у груди; край фиксатора цеплял линолеум, когда я переваливался на бок. Левая сжимала пикку, готовую к удару.

Чистильщик повернулся, заслышав шорох. Луч фонаря скользнул по полу, наткнулся на мои ноги.

Глава 4

Ударил древком по голеним. Подсекал низко, почти над самым линолеумом, чтобы сталь прошла под пистолетом, пока он опускал руку вслед за лучом.

Он потерял равновесие. Фонарь вылетел из рук, покатился по полу, продолжая светить куда попало. Свет бил в лицо мне, слепил, но я уже был внутри его радиуса действия.

Вскочил, оттолкнувшись ногами. Пика ушла вверх, острием в грудь.

Он перехватил древко рукой. Ткань куртки зашуршала по стали; пальцы сомкнулись рядом с моей ладонью. Дёрнул на себя, пытаюсь вырвать оружие.

Сцепились в полосе света упавшего фонаря. Вплотную пахло потом, кожей и порохом; он бил коленом в пах, и приходилось сдвигать таз, напирая на него корпусом. У стены стало тесно обоим. Его кисть с пистолетом оказалась между нами — вот её бы и удержать. Прижал бедром к стене, вдавил сильнее, пока он пытался повернуть оружие; вывести ствол на меня он уже не мог.

Прижал его к стене древком, упёр нижний конец в пол и на миг отпустил хват. Мой левый кулак попал ему в челюсть. Хруст. Он застонал, ослабил хватку на пике.

Снова схватил древко и вырвал оружие. Развернулся. Ударил тупым концом древка в затылок.

Тело обмякло. Пистолет выпал из ослабевших пальцев и скользнул к ножке стола. Отметил его взглядом, не выпуская пику.

Подождал ещё удара, держа пику перед собой. С кухни никто не поднялся. Зато снизу тянулись голоса и прерывистый вой. Сквозь звон в ушах не разобрать: сигнализация машин или рация.

Стоял посреди кухни, тяжело дыша. Пот тек по спине. Руки дрожали. Правая рука в фиксаторе онемела от боли и холода.

— Дима... — голос Ады был слабым.

Повернулся к Аде. Она сидела на полу, прижимая руки к ушам. Кровь сочилась из носа. У самого в ушах ещё звенело. Не понимал, что выстрел сделал с ней: глухая, а ладони держит у ушей. Приблизил лицо, чтобы увидеть, отвечает ли она мне.

— Ты целая? — присел перед ней, чтобы она видела губы. Пикой положил рядом, на расстоянии вытянутой левой; на мокром от пота древке остался след ладони.

Она кивнула, потом отрицательно покачала головой. Она указала на окно.

За стеклом клубился дым. Черный, едкий, поднимающийся снизу вверх. Ещё на подходе пахло дымом. Пока дрались, огонь успел подняться. Проверять лестницу нужно было сейчас.

Подобрал пику и вернулся к входной двери. Приоткрыл её на ладонь, придерживая плечом. В подъезде было темно, но снизу, с первого этажа, пробивался оранжевый отсвет. Пламя пожирало мусор, старые ковры, бумагу. Дым заполнял лестницу, становясь непроглядным.

— Нам нужно уходить, — повернулся я к Аде, заслонив дверь плечом. Показал древком вверх, на лестницу, затем на её рюкзак.

Ада встала и схватила рюкзак. Тетради. Чистовик. Всё, что осталось. Потянула лямку на плечо, оглянулась на квартиру — и сжала её крепче.

— Через чердак, — написала она на листке бумаги, который вытащила из кармана.

Посмотрел на лестницу через приоткрытую дверь. Дым уже добрался до второго этажа. Если мы спустимся вниз, нас возьмут тепленькими, или мы задохнемся.

— Пятый, — поднял лицо к Аде и показал глазами на потолок. — Пятый сидит сверху.

Она кивнула и показала вверх. Сигнальщика придётся пройти; зато с кровли можно уйти по крышам соседних домов. До них ещё надо дойти, но здесь дым скоро отрежет и этот путь. Показал Аде на рюкзак: держи при себе. Она притянула его к груди, дожидаясь меня у двери.

Подбежал к чистильщикам. Четверо. У того, кому я сломал шею, пульса не было. Остальные дышали. Мы с Адой стянули живым руки старыми спортивными поясами из её шкафа и скотчем, перетащили подальше от кухонного окна. Я передал Киму квартиру и число раненых: пусть ведёт пожарных прямо сюда, пока подъём ещё открыт.

— Связывать долго, — буркнул я, работая зубами и здоровой рукой.

Ада помогла затянуть последний узел. Потянула за пояс, проверяя, крепко ли держит, потом ещё раз обмотала скотчем запястья. Следила за лицом связанного: едва он шевельнул губами, с силой прижала его плечо к полу.

Напоследок я обыскал карманы главного, того, что целился в Аду. Телефон. Брелок с кнопками и маленьким ключом. Баллончик с перцовкой. Пистолет поднял из-под края стола, куда он отлетел при падении.

Пистолет я разрядил левой, зажав рукоять коленями, и оставил отдельно от связанных, на светлом подоконнике. Ким получил ещё одну строку: оружие в кухне. Лучше пусть полиция разбирается с ним сама.

Дым становился гуще. От горелой пластмассы саднило в горле; прижал Адин шарф ко рту, но кашель всё равно сгибал пополам.

— Быстрее! — крикнул я, обернувшись к Аде. Подтолкнул её левым плечом к двери; она подтянула рюкзак и пошла рядом.

Мы выбежали в коридор. Дверь на чердак находилась на последнем этаже, над нашей квартирой. Нужно было подняться ещё два пролета.

Подъём был адом. Дым висел слоями, температура росла с каждым шагом. Стены раскалялись. Шёл первым, Ада — за мной, держась за мой пояс. Пику приходилось поднимать вдоль перил, чтобы острие не цепляло поворот; каждый раз, когда Ада задерживалась на ступени, пояс натягивался и останавливал меня.

На площадке последнего этажа я остановился. Дверь на чердак была заперта на висячий замок.

— Открой, — протянул Аде ключ, который нашёл у чистильщика. Пику прислонил к косяку, освободив левую. После передачи ключа снова подхватил древко. Она приняла брелок, кашлянула в рукав и придвинулась к замку; я стоял рядом, заслоняя её от лестницы.

Ключ не подходил. Замок был старый, советский, навесной. Ада вытащила ключ и сунула брелок мне в карман. Я по-прежнему держал пику левой.

У замка дерево потемнело и пошло трещинами под дерматином. Петлю держали два ржавых шурупа. Вот туда и надо бить.

Отступил на шаг. Разбежался. Ударил ногой в замок.

Дерево хрустнуло, петля сорвалась. Дверь распахнулась внутрь.

На чердаке было темно. Воздух свежее, но запах гари все равно проникал через щели. Пол покрыт слоем пыли и птичьего помета. Впереди — люк на кровлю.

И фигура.

Сидящая на корточках у выхода. С арбалетом в руках.

Пятый.

Он обернулся на шум. Его лицо было скрыто маской. Глаза блестели в свете луны, падающем из слухового окна.

— Стой! — гаркнул он, разворачивая арбалет на нас.

От этого окрика хотелось вжать голову в плечи. Приклад уже упирался ему в грудь.

Замер в дверях. Ада вцепилась в мою куртку; её пальцы натянули ткань у здорового плеча.

Арбалетчик повёл стволом между мной и Адой, глянул на дым за нашими спинами. Мы стояли в дверях вдвоём, и перекрыть ему прицел было некому.

Его палец лёг на спуск.

Ада стояла прямо за мной. Один выстрел на такой дистанции — и болт пробьёт обоих. Отступать в дым тоже поздно: он успеет нажать спуск.

Что делать?

В голове мелькнула мысль: огонь перед прицелом.

Огонь на плите уже заставлял меня забыть обо всём вокруг. Сработает ли здесь? В кармане оставались чистые салфетки. И зажигалка Смолина — целое днище с чипом под большим пальцем.

Пику прижал левым локтем к боку и медленно полез в карман. Арбалетчик следил за моей кистью; пальцы приходилось двигать по одному.

Арбалетчик напрягся. Его прицел качнулся.

Я зажал салфетку краем между зубами, чиркнул левой и сразу убрал зажигалку в карман. Красный огонёк пополз по бумаге. Долго держать его во рту я не собирался.

— Не стреляй, — выговорил я сквозь зажатый зубами край салфетки, глядя ему в глаза. Громко, чтобы он слышал.

Он не ответил. Только довернул арбалет, удерживая нас на прицеле.

Пальцами левой я выхватил салфетку из зубов и бросил. Не в него. Под ноги.

Клочок полетел по дуге, оставляя за собой тонкую нить дыма. Приземлился на пыльный пол чердака, в двух метрах от арбалетчика.

Оружие он держал на нас, даже когда бумага упала к его ногам. Только глаза на миг прикрыл от вспышки. Слуховое окно было сбоку от него. Туда — сейчас, пока он щурится. Ещё миг, и снова поймает нас на прицел.

Этой доли секунды хватило.

Рванул к слуховому окну, зажав пику под левым локтем. К выходу на крышу. Ада дёрнулась вслед, куртка натянулась у меня на спине.

Арбалетчик вскинул оружие. Щелчок. Болт сорвался с ложа.

В правое плечо ударило так, что в глазах на миг стало бело. Болт прошёл по касательной и вбил в косяк. Рванный рукав прилип к коже; при следующем движении его дёрнуло, и я едва не ткнулся лицом в подоконник.

До окна оставался шаг. Проскочил его, уже заваливаясь вперёд: остановиться было бы больше, чем вылететь наружу.

У Ады открылся рот. Она тянулась вслед за мной, а я только мотнул головой к окну: сюда, пока он перезаряжает.

Выскочил в ночной холод. Ветер ударил в лицо. Вдохнул — и снова закашлялся: гарь тянуло за мной из окна, даже запах мокрого асфальта её не перебивал. Крыша круто уходила вниз, местами залатанная рубероидом.

Перевернулся на спину, придерживая пику левым локтем у бока. Мокрая кровля холодила затылок; в окне снова поднялся арбалет.

Арбалетчик остался у окна. Кисть к тетиве, движение вниз, болт на ложе. Без суеты. Я лежал у него под прицелом и ждал сбоя — хоть бы уронил эту проклятую железку.

1,8 секунды.

Считал про себя: кисть вниз, болт на ложе. Уже видел, как он это делает. Сейчас бы хоть пальцем промахнулся мимо тетивы — а он укладывался в свои 1,8 секунды.

Ада высунулась из окна и застыла, глядя на мой рукав. По ткани ползло мокрое пятно. Хотелось закрыть плечо, чтобы она перестала на него смотреть, — чёрт, лучше бы под ноги себе глядела.

Прижал древко коленом и дотянулся левой до пыльного подоконника. Написал пальцем: «Беги!»

Она не двигалась.

Арбалетчик закончил перезарядку. Замок взвода щёлкнул.

Древко по-прежнему держал коленом. Убрал левую с подоконника: на парапете лежал серый кирпичный обломок. Схватил его за острый край; крошка врезалась в пальцы.

Бросил.

Камень полетел в темноту, мимо арбалетчика, ударился о трубу вентиляции. Звон металла разнесся по кварталу.

Арбалетчик вздрогнул.

Его взгляд метнулся в сторону звука.

Подхватил пику и прыгнул обратно в окно, к Аде. Она всё ещё торчала в проёме. К стене её, подальше от болта! Пока этот ублюдок смотрит на трубу, пока ещё можно успеть.

Приземлился на пол чердака. Он оказался так близко, что можно было достать рукой; пришлось сразу податься вперёд, пока между нами ещё не поднялся арбалет.

Он развернулся. Болт уже был в стволе.

Пику бросил вдоль стены и ударил его левым плечом. Прямо в грудь. Правую зажал между фиксатором и собственными рёбрами.

Мы повалились на пол. Арбалет выскользнул из рук, покатился в темноту.

Прижал его к полу. Колени в бока, левое предплечье поперёк горла. Правую я прижимал к себе; давил весом корпуса. Он бился, извивался, пытаясь дотянуться до ножа на поясе.

Навалился сильнее. Под предплечьем дёргался его кадык, а он всё тянул пальцы к ножу. Вот их и надо было удержать, пока Ада рядом.

Ада стояла над нами, глядя на моё предплечье у его горла. Подняла глаза на меня, потом на пальцы стрелка у ножа. Каблук её туфли сдвинулся в пыли ближе к его голове.

Она подняла ногу. И ударила каблуком в висок арбалетчику.

Раз. Два. Три.

Тело подо мной обмякло.

Отпустил его и отполз назад. Дышал ртом, никак не мог набрать воздуха. Чердак качнулся; пришлось упереться левой в пол. Рядом с пальцами расплзлось тёмное пятно — кровь всё ещё стекала с моего рукава.

— Ты... ты убила его? — выдохнул я, глядя на неподвижную маску. В пыль под его щекой стекала кровь.

Ада покачала головой. Она показала жестом: «Он спит. Может быть. Не знаю».

Подобрал пику левой, упёр древко в пол и с трудом поднялся. Ада уже держала створку окна. Выбрались на крышу один за другим.

Ветер выл, завихряясь вокруг труб и антенн. Внизу светились окна, по улицам скользили фары машин; сквозь ветер доносился далекий гул трамваев. Но над нашим домом клубилось облако черного дыма, подсвеченное снизу красным заревом пожара.

Сирены уже пели. Три машины, четыре, пять. Полиция, пожарные, скорая.

Ада задержалась у края крыши. Внизу мигали проблесковые маячки; она смотрела туда, а я всё оглядывался на окно, через которое мы только что вылезли.

— Нам нужно идти, — коснулся её локтя и показал вдоль конька, подальше от края.

Она кивнула.

Мы двинулись по коньку крыши. Перед трубами приходилось замедляться, перебираться через крепления антенн; Ада ждала, пока я перенесу пику и освобожу ей проход. Внизу, во дворе, уже столпились люди. Соседи. Любопытные. И те, кто бежал с полотенцами и ведрами, пытаясь спасти свои вещи.

Достал телефон левой, зажав древко пики между коленями. Экран светился красным — батарея на исходе. Написал Лёве Киму: «Вышли. Пожар. Крыша. Терминал?»

Ответ пришел мгновенно: «Жду. Катя встречает у ворот. Не задерживайтесь».

Ада держалась за мой пояс: левая была занята пикой. Иногда её пальцы соскальзывали по ткани, и тогда приходилось останавливаться, пока она снова не ухватится за пояс. Плечо горело огнем, каждый шаг отдавался болью в костях.

— Держись, — повернулся к ней лицом, чтобы видела губы, и дождался кивка.

До стен терминала ещё надо было добраться. Под ногами скользил мокрый рубероид; за спиной трещало дерево. Ада тянула меня за пояс на каждом повороте. Ткань впивалась в бок, зато можно было смотреть под ноги: она рядом, жива, рюкзак с журналом тащит за мной.

У трубы пахло ржавчиной и старой пылью. Ветер швырнул в лицо дым, и во рту опять стало сладко и гадко — так воняла горящая синтетика. От неё хотелось сплюнуть, только слюны уже не было. Из квартиры Ады внизу валил дым; даже здесь от него першило в горле. Мы остановились за кирпичной трубой, переводя дыхание; холодный воздух кусал шею. Правая рука в фиксаторе ныла от каждого шага по мокрой кровле. Ожог на ладони пульсировал в такт сердцу. Стоило забыться и качнуть правой рукой, повязка тянула кожу; приходилось замирать, пока отпустит.

Пока стояли за трубой, положил пикку на кровлю, левой пристегнул к нижней секции цепь из больничной укладки, убрал свободные звенья в чехол и снова поднял древко. Мокрая крыша — упустишь древко и останешься с зажигалкой против арбалета.

Ада стояла передо мной. Её силуэт был тёмным пятном на фоне мутного мансардного окна за нами. Она не оборачивалась. Просто подняла руку и указательным пальцем провела линию по воздуху — вверх и вправо. За трубой.

Я кивнул, хотя она не могла видеть этого жеста. Глухая картограф съезда знала своё дело лучше любого разведчика. Пять человек пришли убивать свидетеля. Четыре работали внутри подъезда. Пятого оставили на чердаке без пут. После Адиного каблука он лежал тихо, а я поторопился уйти. Времени я выиграл меньше, чем хотел. Снайпер. Или арбалетчик. В этом городе с их «чистыми» технологиями разница была минимальна.

— Идём тихо, — я написал это на обрывке бумаги, который вырвал из блокнота, и показал ей. Громкость голоса сейчас могла стоять нам обоим жизни.

Ада пробежала глазами строчку и сразу убрала бумажку мне под куртку: ветер рвал её из пальцев. Кивнула. Взглянула на свой рюкзак, где лежали две трети журнала и пустой чистовик. Прижала ладонь к ткани над тетрадами. Я тоже глянул на рюкзак: тащить её из пожара без этих листов было бы только половиной дела.

Мы пошли дальше вдоль кровли. Ветер забрался под разорванный рукав. Плечо сразу заломило сильнее; куртку хотелось придержать, но свободной руки для этого не было. Черепица под подошвой качнулась. Проверил следующую — эта держала.

Ступал первым, пробуя подошвой каждую черепицу перед тем, как перенести на неё вес. Фиксатор тянул вправо, и на каждом шаге приходилось подавать корпус в другую сторону. Пика мешала ещё сильнее. Злился на себя: всего-то пройти по крыше, а возился, как старик на гололёде. До Восьмого я мог бы перекатиться через эту коньковую балку, как через порог. Сегодня мне нужно было думать о том, куда поставить ногу, чтобы не свалиться вниз на головы тем, кто ещё оставался в доме.

Скрип.

Где-то за спиной, в люке чердачной лестницы, что-то жалобно заскрежетало. Металл о металл или дерево о гвоздь — скрежет пробился сквозь вой сирен. По спине прошёл холодок: слишком близко, прямо за нами; до него рукой подать.

«Блядь».

Обернулся на скрип. Дверь толкнули изнутри. В слуховом окне поднялся тот же капюшон: сигнальщик очнулся, на скуле темнела кровь от Адиного каблука. Он подобрал арбалет и полез за нами. Я зря оставил ему это время.

За ближайшей трубой, в нескольких шагах от нас, мелькнуло движение. Из-за трубы выступил чёрный рукав, следом — арбалет. До открытого участка оставалось несколько шагов. Он мог прижать нас к трубе уже здесь.

Толкнул Аду в бок, заставляя упасть за невысокий парапет водостока. Сам упал рядом, прижимаясь к мокрой черепице. Цепь высыпал из чехла на кровлю, свободный конец сразу придавил пяткой. Прижался к кровле ещё теснее. Он видел, куда мы упали; стоило высунуть голову, и осталось бы только нажать спуск.

Выстрел прозвучал тише моего дыхания. Щелчок тетивы и свист болта. Болт ударился в кирпичную кладку трубы прямо над моей головой, выбив крошку. Если бы я стоял чуть выше — он был бы в виске.

— Он целился в тебя, — повернул лицо к Аде и показал глазами на пробоину в кирпиче. Она сидела, сжавшись в комок, но глядела уже поверх парапета, туда, где скрывался стрелок. Пришлось коснуться её колена: пригнись, ещё рано.

— Свидетель важнее бойца? — прошептал себе под нос, пригнувшись ниже. Его прицел снова уходил к Аде; закрыть её собой значило подставить ему обоих.

За трубой заскрипел механизм арбалета. Прижал щёку к мокрой кровле и слушал: так он взводил его ещё на чердаке. Секунды шли. Одна. Две.

Прислушался к скрипу: тетиву он ещё тянул. На чердаке я уже считал эти движения. Полторы секунды до следующего выстрела — больше он мне не даст. Лежать и ждать болта? Спасибо, уже получил один.

Зажав пикку под левым локтем, вынул чистую салфетку, сложенную вдвое, и прихватил её край зубами. Спасённые листы оставались в Адином рюкзаке. Левой я достал зажигалку Смолина. Потёртый корпус лёг в пальцы знакомой стороной; большим пальцем нашёл колёсико, не глядя вниз.

Клик. Пламя вспыхнуло, освещая лицо Ады. Ада вздрогнула и отодвинула лицо от пламени. Убрал зажигалку и перехватил салфетку левой: огонь уже полз к зубам.

Швырнул горящую салфетку под ноги стрелку, к трубе. Пламя развернулось на лету; он глянул вниз, туда, куда упала бумага. Ещё мгновение назад в темноте были видны только арбалет и рукав — теперь я мог метить в плечо.

Вспышка выхватила его лицо из темноты. Он зажмурился, поворачивая голову; мне нужен был именно этот миг.

Молодой парень, маска, капюшон. Куртка натянулась на плече, когда он отвёл лицо от огня. Арбалет всё ещё был в руках; если дать ему поднять голову, он снова наведёт его на нас. Смотрел на плечо. Только на плечо, пока оно открыто.

Но он уже опоздал.

Упёр подошвы в черепицу. Пока он моргал, перехватил древко для броска.

Пика в рабочей длине весила немало; знакомая тяжесть тянула ладонь вниз, и хват для броска пришлось сдвинуть ближе к середине. Левой я снял пикку из-под локтя; ноги держали корпус, правая оставалась прижатой к груди. Цепь лежала у ног; свободный конец я крепко придавил подошвой. Метнул древко левой, всем корпусом подаваясь вперёд. Звенья потянулись вслед за древком. Древко рассекло воздух со свистом, более громким, чем свист болта.

Удар получился коротким, рубящим. Кончик пики вошёл в плечо стрелка, заставив его вывернуться. Арбалет выскользнул из рук. Парень попытался отпрыгнуть назад, к краю крыши, к водосточной трубе, за которую он пытался зацепиться подошвами.

Подошва сорвалась с мокрой черепицы. Он поехал по скользкой черепице, крича что-то неразборчивое, и исчез в темноте. Через секунду донёсся глухой стук о землю где-то далеко внизу. Может быть, он упал на навес. Может быть, прямо в мусор. Жив ли он, отсюда я не видел. Арбалет остался у трубы. Я прижал цепь подошвой и левой выбрал её звенья, пока пика не скользнула обратно на кровлю. Наконечник освободился рывком; от натяжения цепи

меня качнуло, фиксатор ударил в рёбра. Закусил губу и упёрся пяткой крепче. Путь свободен. Оружие снова здесь. Я отцепил цепь от нижней секции, освободил конец из-под пятки и смотал левой в чехол.

Болт, торчавший в кладке над нами, я вытащил левой; на втулке стояло «П-4». Рация выпала из кармана стрелка и застряла за водосточным желобом. Я сгрёб её вместе с болтом в карман. Киму ушло место, где упал сигнальщик: пусть передаст спасателям.

— Вставай! — прижал пику локтем, схватил Аду левой за лямку рюкзака и помог подняться. Она сразу вцепилась в мой пояс; подхватил древко и потянул её за собой.

Она послушалась. Мы побежали вдоль конька крыши, оставляя позади дым и пепел. На бегу воздух застревал в горле. Хотелось выругаться, но на это не хватало дыхания. Оглянувшись: Ада держала мой пояс, рюкзак бил её по спине. Снова повернулся вперёд. Лишь бы здесь не сорваться, после всего, что уже прошли.

Сзади, со стороны подъезда, слышался треск. Огонь добрался до перекрытий. Оранжевый отсвет сменился красным; он резал глаза даже сквозь дым. Всё больше окон напротив загоралось, мелькали люди. Сирены стали ближе: сперва одна перекрыла треск, потом к ней добавились вторая и третья.

Мы достигли края здания. Перед нами развернулся лабиринт пожарных лестниц и соседних крыш.

Ада показала вниз, на узкий переулок между домами, затем нарисовала пальцем в воздухе перекладины. Лестница.

Выглянул из-за края. Пожарная лестница старая, ржавая, но крепкая. Под ней, в переулке, уже собиралась толпа. Люди в ночных рубашках, с детьми на руках, с пакетами мусора, которые не успели вынести. Они смотрели вверх, на горящее окно третьего этажа.

— Нам туда нельзя, — сказал я, показывая жестом: «толпа, полиция, камеры».

Глава 5

Ада покачала головой. Она написала пальцем на запотевшем стекле мансардного окна у лестницы: «Через двор. Быстро».

На первой перекладине Ада перехватила мою пику и пошла ниже. Левой держался за поручень, переставляя ноги по одной; правую прижал к груди ещё теснее. На земле она вернула древко. Ржавчина скрежетала под подошвами, оставляя рыжие пятна на джинсах. Когда мы коснулись асфальта, жар от пожара ударил в лицо. Пахло паленой пластмассой и человеческим потом.

Из-за мусорных баков окликнули так пронзительно, что я остановился раньше, чем разобрал слова. Ада по инерции потянула меня за пояс; повернулся, заслоняя её от прохода.

— Стоять! Никуда не ходите!

Из темноты вышла фигура. Маленькая, сухая, в платке. Тётя Сима. Соседка Ады — Ада узнала её раньше, чем я разглядел лицо. Она держала в руках огромный узловатый мешок с вещами и палку, которую использовала как трость.

— Я видела, — тётя Сима ткнула палкой в сторону подъезда; мешок волочился за её пятками. — Я видела, как эти люди зашли. Как они били в дверь. Как они жгли. Я видела твою мать, Верейская. Ты жива?

Ада остановилась. Глядя на старуху, плотно сжала губы; я замер рядом, пока она молчала.

— Тётъ Сим, уходи, — Ада написала это пальцем на пыли, лежащей на крышке мусорного бака. Крупные, угловатые буквы.

— Я не уйду! — Тётя Сима топнула ногой. — Я свидетель! Я всё запомнила! Куртки одинаковые, ботинки одинаковые! Они не простые воры! Они... они военные какие-то!

Шум нарастал. Сирены были уже близко. Фары патрульных машин начали выхватывать из темноты лица зевак. Если нас увидят вместе с этой женщиной, если она начнёт орать про «военных» и «одинаковые куртки», нас заблокируют. Полиция среди пожара не станет сразу слушать сбивчивые показания соседки, она станет искать подозреваемых. А мы были именно теми, кого искали.

Поймал Адин взгляд и кивнул в сторону двора: надо уходить. Она поджала губы. Посмотрела на старуху, на её мешок, потом снова на меня — и шагнула к ней, прежде чем я успел потянуть за лямку.

Ада подошла к тёте Симе. Старуха испуганно отступила, выставив палку вперёд. Ада отвела палку от своего плеча и достала из рюкзака чистый запасной лист и маркер. Прижала бумагу к крышке бака рядом с первой надписью, чтобы её не унесло ветром. Написала крупно, жирными буквами:

«ИДИ К ГРИШЕ. КАНАЛ „ПРОВОД“. СКАЖИ: ОТ ВЕРЕЙСКОЙ.»

Тётя Сима прищурилась, пытаясь прочитать написанное. Её губы беззвучно двинулись. — Гриша? Какого Гришу? Какой провод? Я знаю только провод электрический!

Ада нетерпеливо махнула рукой, указывая направление: не сюда, а вглубь дворов, подальше от суеты. И снова написала, добавив снизу мелким почерком: «ОН ПОНИМАЕТ. ИДИ. СЕЙЧАС.»

Старуха посмотрела на Аду, потом на горящее окно, потом на меня. На мне старуха задержала взгляд дольше, чем на Аде. Подтянул фиксатор ближе к груди: рукав был весь в крови, и спрашивать, откуда она, тёте Симе сейчас совсем не стоило. Она ещё раз прочитала имя Гриши, шевеля губами, и забрала листок. Ада придержала край, пока старуха складывала его вчетверо и прятала за отворот платка. Потом обе посмотрели на проход между домами.

— Ладно, — пробормотала она, хватая свой узел. — Ладно, девочка. Но я помню. Я всё запишу. У меня тетрадка есть. Красивая, с цветочками.

Она развернулась и засемила в служебный проход соседнего двора, бормоча что-то про «парней в сером» и «скоро всех перевешают». Я успел передать Киму и её маршрут. Он ответил: у Гриши с «Провода» будет машина, подберут; он сам забирает нас за оцеплением. Так она уходила не под второй нож, а навстречу своим.

— Зачем ты её отправила к нему? — остановил Аду у угла, повернувшись к ней лицом. В окне напротив мелькнул чей-то телефон. — Она же по дороге весь двор поднимет.

Ада пожала плечами. Она написала: «Она говорит громче, чем ты думаешь. И Гриша любит истории.»

Прочитал и фыркнул, тут же закашлявшись от гари. Ада спрятала маркер и потянула меня прочь от бака: посмеялся — теперь иди.

— Идём, — я схватил её за локоть. — Терминал.

Двинулись к оцеплению. Пика в руке сейчас скорее мешала: офицер уже смотрел на накопчик. Пришлось опустить его к асфальту и выйти под свет фар лицом.

Полицейский кордон растянули быстро. Жёлтая лента, несколько экипажей, толпа любопытных. Офицер с рацией перегораживал проход, отгоняя зевак.

— Назад! Всех на задний план! Не снимать!

Вышел вперёд, подняв открытую левую ладонь; пику прислонил к ограде у ноги. Правая оставалась в фиксаторе у груди. Металл блеснул в свете фар, и офицер перевёл взгляд с него на моё лицо.

— Эй, ты! Куда прёшь? — офицер повернулся ко мне. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на шрамах, на грязной одежде, на странном металлическом наручнике.

— Пырьев, — повернулся к свету, чтобы он разглядел меня. — Дима Пырьев.

Офицер замер с ладонью на жёлтой ленте. Рот приоткрылся, потом он быстро оглянулся на напарника. Узнал парня с трубы, который спас терминал. Моё лицо последние дни показывали по всем каналам; теперь вместо арбалета передо мной была рация, и её владелец явно подбирал другое обращение.

— Пырьев? — переспросил он, понизив голос. — Тот самый? Из «Серых мышей»?

— Именно, — я кивнул на Аду, стоявшую за моей спиной. — Это гражданское лицо. Мне нужно вывести её в безопасную зону. Мой транспорт на другом конце улицы.

Офицер потянулся к рации, остановился. За его спиной напарник уже убирал телефон в карман.

— Пропусти, — тихо подсказал он. — Это он.

Первый снова посмотрел на фиксатор, затем на Адин рюкзак. Документы он так и не попросил.

— Давай, — наконец сказал он, отводя жёлтую ленту. — Быстро. И скажи своему оператору, пусть не снимает. Мне надоело писать рапорты.

— Спасибо, — я коротко кивнул.

Подхватил пику у ограды и провёл Аду под лентой. Прошли сквозь строй полицейских. Некоторые из них доставали телефоны, делая фото. Один даже повернул телефон экраном к себе, стараясь поймать меня за плечом в кадр. От камер зудело между лопатками. Смотрел на просвет между машинами, стараясь не поворачивать к телефонам лицо: пусть снимают затылок. Зато лента осталась за спиной. Ещё вчера меня бы здесь держали до утра, а сейчас офицер сам отодвинул её и пропустил Аду.

— Ты используешь их, — написала Ада, когда мы отошли достаточно далеко. — Они думают, что ты герой. А ты просто хитрый лис.

— Разница невелика, — отдал ей листок и показал на машину за оцеплением. — Герои нужны им для спокойствия. А мне нужен выход.

За оцеплением Ким открыл заднюю дверь своей машины. Ада села, не выпуская рюкзака; я втиснулся рядом, укладывая пику по диагонали под сиденьями. Ким отвёз нас боковым про-

ездом к промышленной зоне, где располагался наш терминал. Воздух здесь был чище, меньше запаха гари. Смотрел назад через стекло, пока машины у сцепления не скрылись за поворотом. Всё казалось, что кто-то провожает нас взглядом. Полицейским мы уже показались; теперь хотелось убедиться, что за нами не едет тот, кому наше имя ничего не стоит.

У ворот терминала нас встречала Катя. Она стояла в тени грузового контейнера, закутанная в шарф, с планшетом в руках. Катя смотрела на мой окровавленный рукав. Я перехватил древко поудобнее и двинулся к калитке: сейчас ещё начнёт спрашивать про плечо, а Ада всё стоит снаружи.

— Проходите, — Катя открыла калитку и придержала её, пропуская Аду первой. — Внутри чисто. Пашка проверил периметр три раза.

Мы вошли в ангар. Шум улиц остался снаружи, заглушённый мощными стенами и звукоизоляцией. Здесь пахло смазкой, кофе и электроникой. Дом.

Катя держала планшет экраном к себе, но к данным не возвращалась. Проследила, как Ада вошла с рюкзаком, и только тогда шагнула ко мне с планшетом. Я поднял глаза с присохшего рукава: что ещё?

— Лёва Ким, — начала она. — Он прислал данные. Прямо сейчас.

— Что там? — прислонил пикку к стене и стянул куртку со здорового плеча. На правом рукаве ткань присохла к крови; дёргать её дальше было нельзя. Катя опустила планшет, помогла освободить рукав вокруг фиксатора. Ожог чесался под повязкой.

— Он сравнил время прибытия чистильщиков и время нашего входа в контакт, — Катя провела пальцем по экрану, увеличивая карту района. — Адрес Ады. Твой адрес. Время.

Она повернула планшет так, чтобы я мог видеть.

— Смотри. Заявка на «вторичную обработку» объекта поступила в сеть Реестра за двадцать четыре часа до того, как ты вообще узнал, где живёт Верейская. Пометка: «Объект приоритетный. Картограф активен. Риск утечки данных высокий».

Вцепился левой в край планшета. Дата заявки расплылась перед глазами; перечитал её ещё раз. Сутки до того, как я нашёл Аду. Им даже не понадобилось следить за мной, чтобы прийти к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.